

АВРОРА СТИЛЗ

A romantic wedding scene. In the foreground, a man in a dark tuxedo with a bow tie and a woman in a sparkling, off-the-shoulder wedding dress with a long veil are embracing and about to kiss. The woman has long, wavy blonde hair. In the background, a man in a dark leather jacket and jeans stands looking towards the camera, holding a chain that is attached to the bride's wrist. The setting appears to be a grand, dimly lit hall with arches and red flowers are visible in the background.

КОГДА ТЫ
ПРОСНЕШЬСЯ

Аврора Стилз

Когда ты проснешься

<https://litres.ru/74210648>

Аннотация

Кошмары — это невысказанная правда. А правда — страшнее любого сна. Саша на пороге новой жизни, но тени старой тянут её назад. В объятиях жениха она чувствует себя в безопасности, но только до тех пор, пока не закрывает глаза. Потом приходит Он. Тот, чьё имя она забыла, а прикосновения — нет. Его голос звучит в такт её собственному сердцу, а угроза смешана с признанием в любви. Чтобы освободиться, ей предстоит отправиться в путешествие в самое тёмное место — в собственную память. Что ждёт её на пороге прошлого: исцеление или падение в бездну? И можно ли построить счастливое будущее, не разобравшись с призраками прошлого? Буду признательна за ваши лайки и комментарии, они очень сильно вдохновляют ♥#!!#Внимание!!# В комментариях спойлеры!

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2. Я.	11
Глава 3. Он.	21
Глава 4. Тогда .	25
Глава 5. Я.	35
Глава 6. Он.	40
Глава 7. Я.	48
Глава 8. Он.	54
Глава 9. Я.	58
Глава 10. Я .	66
Глава 11. Тогда .	75
Глава 12. Он.	83
Глава 13. Катя.	86
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Глава 1.

— Я люблю тебя... — его шёпот был едва слышен, горячий и влажный, будто вырвавшийся из самой глубины души. Он прижался лбом к моему виску, и его дыхание смешалось с моим.

— И я тебя люблю... Как никогда и никого... Клянусь! — вырвалось у меня, слова, опередившие мысль, чистые и лихорадочные. Я потянулась к нему, ища губами спасение от этого сладкого, томительного безумия.

Внезапно его тело напряглось, будто его ударило током. Он отстранился, и в полумраке его лицо стало чужим, искажённым какой-то внутренней мукой.

— Но ты бросила меня! — крик прорвался неожиданно, резко, разрывая тишину комнаты, как стекло. Он не кричал на меня. Он кричал сквозь меня, в какую-то свою бездну.

— Я... я не бросала тебя... я же здесь! — я попыталась поймать его взгляд, но мои слова прозвучали жалко, потерянно, как оправдание, в котором я и сама не была уверена.

— Ты бросила меня! — он закричал ещё сильнее, и в его голосе зазвенела настоящая, животная ярость, смешанная с болью. Его пальцы впились в мои плечи, оставляя синяки, которых ещё не было.

— Нет, нет же! Это неправда! — я инстинктивно рванулась назад, спина ударилась о стену. И тогда я увидела это —

странный, мёртвенный блеск в его глазах. Это был не взгляд любимого человека. Это был взгляд одержимого, в котором не осталось ничего человеческого.

— Я никого так не любил, а ты...! — он не договорил. Вместо слов его тело обрушилось на меня всей тяжестью отчаяния и ненависти. Сильные, знакомые до боли руки обвились вокруг шеи. Не объятие — удавка. Те самые ладони, что часами нежно вырисовывали контуры моего тела, сейчас сжимались, холодные и влажные, превращаясь в орудие убийства.

«Нет, что ты делаешь!» — хрип вырвался вместо крика. Я билась, царапала его руки, пыталась вывернуться, но он был монолитом, скалой, обрушившейся на меня. Воздух стал густым и тяжёлым, как сироп. Он не поступал. В висках застучал яростный молоток, а перед глазами поплыли тёмные, пляшущие пятна. Комната закружилась, пол ушёл из-под ног, и я проваливалась в чёрную, беззвучную пустоту, где не было ни боли, ни страха, только нарастающий, всепоглощающий гул в ушах.

И я упала. Не в бездну, а на мягкое, обманчивое лоно собственной кровати. На холод шёлка простыней, прилипший к вспотевшей спине.

Его руки — те самые, кошмарные — разжались. Лёгкие, спазмируя, с жадным, мучительным свистом втянули первую струю воздуха. А следом за ней из горла вырвался дикий, нечеловеческий вопль. Он раскатился по тёмной спальне,

ударился о стены и вернулся ко мне эхом моего собственного ужаса.

— Саша, что с тобой? — тёплый, сонный, но уже встревоженный голос прозвучал прямо у уха. Рука легла на вздрагивающее плечо. — Снова кошмар?

— Да... да... — я хрипела, захлёбываясь воздухом и слезами. Мои собственные пальцы впились в шею, нащупывая невидимые, но до жути реальные следы — будто кожа всё ещё хранила память о том прикосновении. Она горела, ныла, пульсировала каждой порой.

— Всё хорошо, любимая, я рядом. — Сильные, настоящие руки Андрея обняли меня, прижали к груди, где стучало спокойное, ровное сердце. Совсем не то, бешеное, что я слышала во сне. — Я здесь. Ты в безопасности.

— Я никогда не буду в безопасности... — прошептала я в складки его футболки, и в этом шёпоте звучала леденящая уверенность.

— Это всего лишь кошмары, Саш. Мы же обсуждали это. Остатки стресса, переутомление.

— Но они стали приходить слишком часто... — голос мой сорвался, стал порывистым, срывающимся на крик. — И слишком... реальными. Я чувствую на шее его пальцы, Андрей! Чувствую их холод! Я задыхаюсь по-настоящему!

— Может, всё же стоит обратиться к психологу? Я волнуюсь за тебя. — В его голосе прокралась трещинка страха. Не за себя. За меня.

— Нет! Это не поможет! — я вырвалась из его объятий, села на кровать, обхватив голову руками. — Эти сны... они не просто сны. Они как воспоминания, которые я не могу вспомнить. Он ведь душил меня. Я знаю. Я помню это.

— Саша, ты меня пугаешь, — тихо, но твёрдо сказал Андрей. В полутьме я видела, как напряглись его плечи.

В голове, ещё затуманенной адреналином, будто щёлкнул выключатель. Картинка из сна — не его лицо, не его руки — а фон, обстановка. Потрескавшаяся штукатурка в уголке, странный узор на занавеске, запах сырой земли и сирени... знакомый, до тошноты знакомый.

— В этот раз было что-то новое... — прошептала я, глядя в пустоту. Я говорила не ему, а самой себе, пытаюсь ухватить ускользающую нить.

— Что?

Мозг, наконец, сложил пазл. Узнаваемый. Ужасающий.

— Как же я раньше не понимала... — воздух снова перехватило, но теперь от догадки, острой и ледяной. — Как же я раньше не замечала! Андрей! — я повернулась к нему, и, наверное, в моих глазах читалось что-то несуразное, потому что он отодвинулся на сантиметр.

— Да, любимая?

— Мне нужно срочно уехать. К родителям. В старый дом. Я узнала это место! Оно из сна! Оно преследует меня!

— Саш, ты сама себя слышишь? — он попытался взять меня за руки, но я отстранилась. — Ты ещё не пришла в себя.

Это бред.

— Нет, я всё решила. Я поеду сегодня же. С первым поездом.

— Ты не была там десять лет! Родители сами приедут через две недели. У нас свадьба на носу, столько дел!

«Вот именно! — пронеслось в голове, ясно и чётко. — Десять лет. Я всегда находила причину не ехать. Работа, учёба, а потом ты, Андрей... Будто что-то, какая-то тень, не выпускала меня оттуда мысленно, запрещала возвращаться. А что, если эта тень теперь зовёт меня назад? Что, если ответы — там?»

— Я смотаюсь на пару дней и вернусь. Обещаю. Мне нужно это сделать.

— Тогда я поеду с тобой.

— Нет! — мой отказ прозвучал слишком резко, почти панически. Я смягчила голос, потянулась к нему, положила ладонь на щёку. — Здесь столько хлопот. Свадьба, помнишь? Поверь мне. Я должна сделать это одна. Мне станет легче, я чувствую.

Он смотрел на меня долго, его взгляд читал моё лицо, как открытую книгу, полную непонятных ему знаков. Наконец, он тяжело вздохнул.

— Ладно. Но звони каждый час. Слышишь? Каждый.

Я кивнула и прижалась к нему, пряча в его плече своё лицо, полное не сказанных ему слов и не рассказанных правд. Правд, которых я и сама ещё не знала.

В эту же ночь, в это же мгновение, за сотни километров.

Он проснулся от собственного крика. Резкого, хриплого, вырвавшегося из груди, будто когтями. Тело было облито ледяным, липким потом, простыня сбита в комок у ног.

— Ты бросила меня! — просипел он в темноту, и слова повисли в воздухе тяжёлым обвинением. Он сел на кровати и уставился на свои руки. При лунном свете, пробивавшемся сквозь жалюзи, они казались чужими — большими, жилистыми, способными на ужасные вещи.

— Эй, с тобой всё нормально? — послышался заспанный, раздражённый голос за стенкой.

— Да, да, дружище, — он откашлялся, пытаясь вложить в голос нормальные нотки. — Всё в норме. Кошмар. Спи дальше.

Но ничего не было «в норме». Он снова душил её. Снова и снова. Этот сон, как тень, преследовал его уже год. Почему сейчас? Почему, когда прошло столько времени, когда он почти, почти стёр её из памяти? Он пытался. Боже, как он пытался забыть её смех, её взгляд. Но всё в его жизни — запах дождя, определённая песня по радио, даже форма облака — вело к ней. К мысли о ней.

Он никогда не хотел причинить ей боль. Он любил её. Любил до безумия, до боли в рёбрах. От этой любви и родил-

ся этот ужас во сне? От невысказанного гнева за то, что она ушла?

Он представил её лицо. Длинные, светлые, как спелая пшеница, волосы, которые так нежно пахли... Её глаза — бездонные, летние, голубые. Какая она теперь? Время наложило на то лицо свои штрихи? Хотел бы он увидеть его снова? Хотя бы раз. И если бы увидел... что бы он сделал? Снова протянул руки? Чтобы обнять? Или...

— Нет! — он тряхнул головой, с силой растёр виски, стараясь стряхнуть наваждение. — Нет, нет, нет!

Он не должен думать о ней. Она далеко. В её дали — его спасение. Его проклятие. И теперь, после этого сна, стало ясно — это спасение было иллюзией. Что-то сдвинулось. Что-то началось.

Он подошёл к окну, упёрся лбом в холодное стекло и смотрел в ночь, туда, где, он знал, в том же самом часу, она тоже не спала.

И тишина между ними гудела, как натянутая струна.

Глава 2. Я.

Поезд мерно покачивался, выстукивая на стыках рельсов однообразный, гипнотический ритм. За окном, словно бесконечная кинолента, проплывали пейзажи моей прошлой жизни. Сперва — ухоженные городские окраины, потом рыжие осенние поля, прочерченные черными линиями голых изгородей. Дальше поплыли леса: мрачные, засыпающие елники сменялись светлыми рощами из тонких, вытянутых берёз. Их оголенные ветви, будто трещины на стекле, расчерчивали низкое свинцовое небо. Всё было знакомым до боли и в то же время чужим, как декорации к забытому, но тревожному спектаклю. Я уткнулась лбом в прохладное стекло, пытаясь раствориться в этом потоке света и тени, но мысли, навязчивые и тягучие, не отпускали.

Почему? Почему я добровольно изгнала себя из этого места на целых десять лет? Да, была работа, жених, новая жизнь. Но были и странные, почти физические барьеры. Каждый раз, собираясь навестить родителей, меня охватывала беспричинная, леденящая тошнота, а в трубке звучал слишком уж настойчивый, облегчённый голос мамы: «Не надо, дочка! Мы сами приедем! Тебе неудобно, дорого, да и времени нет...» Их отговорки всегда были логичными, заботливыми, упакованными в любовь. Но за этим чувствовалась какая-то иная, скрытая плотность. Страх? Что они так

отчаянно пытались оставить за высоким забором нашего старого дома?

Родители защищают своих детей. Это аксиома. Но что, если эта защита похожа на ту самую тюрьму с бархатными стенами, где тебе не говорят за что ты осуждён? Может, спустя десятилетие молчания, увидев взрослую, почти замужнюю дочь, они наконец разомкнут губы? Признаются в том, что десятилетие давило им на плечи тяжелее любого камня? Если, конечно, эта тайна вообще существует. А если нет... тогда остаётся лишь один, безжалостный к моему рассудку вариант. Галлюцинации. Психический срыв. Мысль об этом была такой же холодной и гладкой, как стекло у моего виска. Я отогнала её, как назойливую муху.

Я не предупредила их о своём приезде. О кошмарах — и вовсе молчала все эти месяцы. Зачем сеять панику, ворошить то, что, возможно, и правда лишь игра больного воображения? Я хотела тишины и прямых взглядов. Незамутнённых заранее продуманными историями.

Но была одна загвоздка. Андрей. Мой чуткий, беспокойный Андрей. Конечно же, он не выдержал. Едва за мной захлопнулась дверь, его палец уже набирал знакомый номер. Именно поэтому мой телефон завибрировал, как только поезд тронулся. На экране — «Мама». Я наблюдала, как имя пляшет в такт стуку колёс, пока звонок не оборвался. Я не ответила. Я не хотела слышать встревоженные вопросы в трубке. Я хотела задать свои — глядя прямо в глаза, ловя малей-

шую дрожь ресниц, бессознательный жест руки, тянущейся поправить несуществующую прядь волос.

Я слишком хорошо знаю свою маму. Она — открытая книга, написанная уставшим, но честным почерком. Она никогда не умела врать. Когда она пыталась скрыть что-то в детстве, её глаза сразу же начинали метаться, будто ища спасительную щель в реальности. Пальцы перебирали край фартука или пуговицу на кофте, левая бровь подрагивала едва заметной судорогой, а в голосе появлялась натянутая, слишком высокая нота, словно её давил невидимый обруч на горле. Она думала, что скрывает это мастерски, но для меня эти признаки были яснее крика. Вот и проверим. Проверим, осталось ли во взрослой, уставшей женщине что-то от той неумелой лгуны.

С решимостью, от которой заныло под ложечкой, я нажала кнопку и полностью отключила телефон. Мир снаружи сразу стал чётче, громче, навязчивее. Поезд врезался в тоннель, и в окне на мгновение отразилось моё собственное бледное лицо — лицо невесты, бегущей от кошмара к загадке своего прошлого. А за черной громадой тоннеля уже ждал знакомый пейзаж: покосившийся сарай у переезда, кривая берёза на пригорке — безмолвные стражи порога. Порога, за которым меня ждали либо ответы, либо пропасть, в которую я уже начала падать.

Станция встретила меня запахом угольной пыли, влажного асфальта и далёкой осени. Перрон, вылинявший под солн-

цами и дождями, был почти пуст. Ветер гнал по бетону клубы пара от локомотива и обёртки от семечек. И среди этого унылого пейзажа, как островок тревожного, живого тепла, стояла она.

Мама. Не просто стояла — она будто выросла в это место, замерла в напряжённой, почти неестественной позе. Её пальцы сжимали края лёгкого плаща так, что суставы побелели. Плечи были подняты к ушам, словно от холода, которого не было. Голова поворачивалась короткими, резкими движениями, сканируя пустой перрон, соседние вагоны, будто проверяя, не наблюдает ли кто. Её лицо, такое родное с небольшими морщинками у глаз, было бледным полотном, на котором тревога вывела чёткие, жёсткие линии. Я совсем не удивилась, увидев её здесь, в этой позе ожидающей катастрофы.

— Саша, доченька! — её голос сорвался не с крика, а с какой-то сдавленной, хрипловатой ноты. Она бросилась ко мне, и её объятия были не просто крепкими. Они были цепкими, почти паническими, будто она пыталась не только прижать, но и укрыть, спрятать меня своим телом от невидимой угрозы.

— Мамочка! Как же я соскучилась! — это была истинная правда, вырвавшаяся из самой глубины. И на миг, уткнувшись лицом в знакомый, пахнущий домашним яблочным пирогом и чем-то лекарственным запах её ворота, я действительно почувствовала себя той маленькой девочкой, для которой мир заканчивался на краю её юбки. Миром правили

простые законы, а самое страшное, что могло случиться — это разбитая коленка.

Она отстранилась, держа меня за плечи на расстоянии вытянутых рук. Её глаза, цвета выцветшей летней листвы, бежали по моему лицу, выискивая признаки беды.

— Почему... почему ты не предупредила о своём приезде? — её голос дрогнул, выдав внутреннюю дрожь. Она снова оглянулась через плечо, быстрым, птичьим движением. Этот жест был таким неестественным, таким подозрительным. Словно моё присутствие в этом городе было государственной тайной.

— Я же сказала, я очень соскучилась, мам! — я сделала свою улыбку максимально широкой, солнечной. — Разве я не могу приехать в свой родной город?

Она не ответила сразу, лишь сжала мои плечи сильнее, почти до боли.

— Но... но мы же должны были приехать к вам совсем скоро! — зашептала она, хотя вокруг не было ни души. — А ещё у тебя подготовка к свадьбе, работа... Нельзя вот так взять и всё бросить в такой ответственный момент... У тебя... — она сделала паузу, и её взгляд стал проникающим, почти рентгеновским. — У тебя точно всё нормально?

Андрей. Конечно. Он подлил масла в её и без того бушующий огонь страха.

— Всё хорошо, мам, честно. Устала немного. Поехали скорее домой! — я вымучила улыбку, ощущая, как она тре-

щит по краям.

Дорога заняла всего десять минут, но они растянулись в целую вечность — путешествие сквозь слои времени. Город был и тем же, и другим. Не настоящим, а точной, до жути проработанной бутафорией. Вот старая школа, её кирпичный фасад потемнел от времени, но флюгер на крыше по-прежнему скрипел на ветру — звук моего детства, ставший вдруг материальным. Вот магазин «Улыбка», где в углу когда-то стоял тот самый волшебный автомат с игрушками. Я словно видела сквозь стены призрачную очередь ребятни и слышала их возбуждённый гомон. Мы с Ленкой и Катькой часами простаивали тут, не имея денег, просто зачарованно наблюдая, как механическая клешня дрожит и опускается. Это было магией. Теперь на его месте стоял стеллаж с бутылками воды. Магия испарилась, оставив после себя лишь горьковатый привкус.

А вот и он. Наш дом. Он изменился кардинально: с грубоватого синего облезлого сайдинга переоделся в нарядную, слишком аккуратную штукатурку терракотового цвета. Новые окна, кованая калитка. Но скелет остался прежним. Тот самый выступ под моим окном, на который я забиралась, чтобы сбежать на улицу. Та же трещина у фундамента, принявшая форму льва. Это был он. Мой дом. В груди что-то дрогнуло, сжалось, а потом расправилось, наполняясь таким тёплым, почти болезненным светом, что я на мгновение забыла, зачем приехала. Как я могла добровольно отречься от

этого места?

— Я дома! — вырвалось у меня, как вырывалось сотни раз, когда я, ещё пахнувшая школьной пылью или студенческим ветром, врывается в прихожую. Даже если в доме была гробовая тишина, этот клич был ритуалом, неким заклинанием.

Мама засмеялась, и на её лице, наконец, появилось что-то настоящее, неискажённое тревогой. Мгновение чистой, светлой радости. Но оно прожило секунды две. Как только смех смолк, тень вернулась, опустилась на её черты тяжелее, чем прежде, словно она вспомнила что-то ужасное. Я обязательно разгадаю эту загадку. Но сначала — моя крепость. Моя комната.

Она замерла во времени. Родители не просто не тронули её — они буквально законсервировали её. Воздух пах не пылью, а застоявшимися воспоминаниями, старой бумагой и едва уловимым ароматом подростковых духов. Полки, заставленные потрёпанными томиками. Трофейная полка со школьными грамотами за «активную жизненную позицию». На стенах — следы другой жизни: выцветшие постеры с группами, названия которых уже ничего не говорили миру, след от клея, где висел коллаж из фотографий, аккуратный след от скотча. Я водила пальцами по корешкам книг, по шершавой поверхности наградных листов, по этим шрамам на обоях. Каждое прикосновение било слабым током памяти.

— Мам! — голос прозвучал громче, чем я планировала.

— Да, доченька? — она появилась в дверях мгновенно, будто стояла за ней всё это время.

— Можно я побуду тут немного одна?

— Да, да, конечно! — в её глазах мелькнуло что-то — облегчение? Новый страх? Она выскользнула, притворив дверь с тихим, но окончательным щелчком.

Я плюхнулась в старое кресло-мешок, которое с тихим шорохом приняло форму моего тела. Закрыла глаза. И меня накрыло.

Не поток, а калейдоскоп. Яркие, отрывистые вспышки. Пижамная вечеринка: мы с подружками, закутанные в одеяла, давимся от смеха над какой-то глупостью, а за стеной слышен сердитый голос мамы: «Девочки, тише! Уже за полночь!». Тёплый луч ночника, запах детского шампуня, мягкий голос мамы читающей любимые сказки. Счастье. Простое, безоговорочное счастье.

И вдруг — резкий, как удар ножом, другой образ. Металл, холодный на шее. Тяжёлый кулон. Не просто украшение — объект. Большой, старинный ключ и замок в виде сердца из тусклого серебра. Я невольно поднесла руку к груди и начала водить ладонью по коже. Жест был до боли знакомым, отчеканенным в мышечной памяти. Я делала это. Много раз. Но у меня никогда не было такого кулона! Я бы запомнила его вес, его холодок, его странную, тревожную форму.

Я заставила себя сосредоточиться, взглядеться в этот на-

вязчивый мираж. И картинка дрогнула, стала чётче, объёмнее. Я уже не просто видела кулон — я чувствовала его. Мои руки, но не нынешние, а более юные, с коротко подстриженными ногтями, держали его. Цепочка была порвана, звенья растянuty. И голос. Тот самый, низкий, пронизывающий, полный безотлагательного ужаса, звучал не во сне, а прямо здесь, в комнате, у самого уха:

«Ты должна спрятать его!»

И я, послушная, охваченная паникой, поворачиваюсь к стене. К участку под подоконником, где третья снизу панель чуть темнее других. Я знаю тайник. Я всегда его знала. Ногтями поддеваю край, панель с тихим щелчком отходит.

Я резко открыла глаза. Сердце колотилось так, будто хотело выпрыгнуть через горло. Это бред. Психический срыв. Галлюцинации, наложившиеся на детскую фантазию. Ноги, будто ватные, понесли меня к тому месту у окна. Руки дрожали так, что я не могла попасть ногтем в щель. В конце концов, я царапнула обои. Панель действительно была чуть свободнее. Я подцепила её. Секунда невыносимого напряжения — и она поддалась.

Там, в пыльном, тёмном пространстве между стеной и утеплителем, лежало это.

Кулон. Тот самый. Ключ в потускневшем серебре. Порванная цепочка, одно звено которой было разомкнуто с применением силы. Он лежал на слое пыли, холодный, мёртвый, неопровержимый.

По спине пробежала ледяная волна мурашек, такая интенсивная, что свело мышцы. Комната поплыла, закружилась, пол ушёл из-под ног. Я схватилась за подоконник, чтобы не упасть, не отрывая взгляда от находки. Это не воспоминание. Это улика.

Значит, это было наяву. Значит, голос был настоящим. Значит, кто-то заставил меня спрятать это. И этот кто-то, этот голос из прошлого... теперь являлся ко мне по ночам, чтобы потребовать свою тайну обратно? Или чтобы напомнить об опасности?

Глава 3. Он.

В ту ночь сон так и не пришёл к Максиму. Он не просто не спал — он воевал с собственным сознанием, которое, словно заезженная пластинка, снова и снова прокручивало одно имя.

Саша.

Оно прожигало изнутри, оставляя после себя горький привкус пепла и навязчивый, назойливый звон в ушах. «Почему ты снова здесь, в моей голове? — беззвучно шипел он в темноту потолка, сжимая кулаки до хруста в костяшках. — Почему именно сейчас, когда уже почти получилось стереть тебя?»

Попытки отвлечься превращались в жалкий фарс. Он хватался за книгу, но буквы сливались в её улыбку. Включал телевизор — и в любом женском образе мерещились её черты. Каждое дело казалось мелким, ничтожным, не стоящим усилий на фоне бури, бушевавшей у него внутри.

— Ты какой-то... напряжённый сегодня, — раздался из дверного проема голос соседа, Олега. Тот стоял, прислонившись к косяку, и жевал бутерброд, изучая Максима внимательным, немного пьяным взглядом. — Словно на иголках.

— Правда? — Максим заставил себя обернуться, пытается расслабить сведённые челюсти. Он даже попытался растянуть губы в подобие улыбки, но почувствовал, как та получилась кривой, оскаленной, больше похожей на гримасу

боли. — Дружище, тебе показалось! Со мной всё хорошо. Просто не выспался.

— Да брось, — флегматично отозвался Олег, откусывая хлеб. — Я-то вижу. Весь дерганный, и взгляд у тебя... словно ты где-то там, за горами, а не здесь. Опять она, да?

Последние два слова сработали как спусковой крючок. Всё, что Максим так старательно сдерживал — раздражение, ярость, беспомощность — вырвалось наружу единым, сокрушительным порывом.

— Со мной всё нормально! — его крик сорвался хриплым, звериным рыком. Кулак со всей силы обрушился на стол, отчего вздрогнула и зазвенела стоявшая на краю кружка. В наступившей тишине этот звук прозвучал оглушительно.

Олег медленно поднял руки, изображая мирного жителя. В его глазах, однако, не было страха — лишь усталое понимание и брезгливость.

— Спокойно, спокойно, браток! — он сделал шаг назад, в коридор. — Дело твоё, я не лезу. Тёмные эти дела твои... Сам с ними и разбирайся.

Он ушёл, нарочито громко хлопнув дверью в свою комнату. Максим остался один в гнетущей тишине, которую теперь нарушало лишь тяжёлое, прерывистое дыхание. Он подошёл к окну, заляпанному дождевыми разводами и городской пылью, и упёрся лбом в холодное стекло. За окном плыл серый, бессолнечный день его захолустного городка: покосившие-

ся гаражи, ржавая водонапорная башня, унылые панельки. Здесь время, казалось, застыло много лет назад.

Часы на стене, медленные, как сам этот городишко, пробили три удара. Глухой, тягучий звук пополз по мокрым крышам. И вдруг, с этим боем, в его памяти чётко, как по расписанию, всплыла деталь: поезд. В 15:05 всегда делал десятиминутную остановку скорый из столицы. Он видел его сотни раз, никогда не задумываясь.

Но сейчас мысль о нём ударила, как током. Сердце не дрогнуло — оно сжалось в ледяной, болезненный спазм, выгнув дугой всё его тело. Воздух перехватило. В глазах потемнело. И в этом мутном полуобмороке ему показалось.

Сквозь грязное стекло, сквозь толщу лет и расстояние, он будто увидел её. Чётко, ясно. Не призрачный силуэт, а живую, реальную. Она сходила с подножки вагона, поправляя сумку на плече. Знакомая, тысячу раз прожигавшая сетчатку его глаз походка — лёгкая, но с твёрдой постановкой стопы. Светлые волосы, собранные в небрежный хвост, выбивавшиеся прядями на ветру. Она шла по перрону, и каждый её шаг отдавался в его висках глухим ударом.

Она здесь.

Нет. Этого не может быть. Это галлюцинация. Порождение измотанной психики и невыносимой тоски. Он зажмурился, изо всех сил потряхнул головой, впился пальцами в подоконник, пока не заныли суставы. «Успокойся. Она далеко. Она должна быть далеко!»

Он снова посмотрел в окно. Поезд, дымя, уже набирал ход, увозя с собой воображаемый призрак. Перрон опустел. Но ледяной ком в груди не растаял. Напротив, он стал тяжелее, осязаемее. Это была не просто тревога. Это было знание, тёмное и неоспоримое, просочившееся из самых глубин подсознания.

Связь, которую он считал разорванной, вдруг натянулась струной, и её вибрация, тонкая и смертоносная, пронзила его насквозь. Игра воображения? Возможно. Но что, если поезд привёз не призрак, а плоть и кровь? Что, если расстояние, которое он считал своей защитой, внезапно сократилось до нуля?

Он медленно отступил от окна, в глазах — не страх, а мрачная, хищная решимость. Если это правда... если она действительно осмелилась вернуться... то правила игры только что изменились. Карты легли на стол. И ему теперь предстояло решить, что с ними делать.

Глава 4. Тогда .

Осенний воздух был густым, как сироп, и холодным на вкус. Он впитывал запахи города: горьковатую пыль опавшей листвы, сладковатый дымок из печных труб дальних домов, едкий шлейф от проезжающих машин.
Максим стоял на старой остановке, чьё стекло было исцарапано цитатами несуществующей любви и рекламой давно отыгранных концертов. Он уставился в трещину на асфальте, погружённый в тягостный водоворот мыслей, которые кружились, как жёлтые кленовые листья под колёсами проезжающих машин, бессильно и по уже predetermined кругу. Всё его существо было сжато в один тугой, болезненный узел под ребрами. И вдруг — будто луч света пробил серую пелену дня — он увидел Её.

Саша.

Она стояла чуть поодаль, прислонившись к рекламному щиту с потускневшими красками и что-то искала в глубине своего старого рюкзака. Солнце, вырвавшееся на миг из-за ватной громады туч, золотило её непослушные пряди. Это было так неожиданно, так невозможно в этой точке координат вселенной, что он на секунду замер, решив, что это мираж, порождённый бессонной ночью и тоской. Но нет — это была она. Сама реальность её присутствия заставила сжав-

шийся мир сделать вдох.

— Саша? — его голос прозвучал хрипло, неверяще, сорвавшись с самого дна горла. Он сделал шаг, другой, чувствуя, как земля упруго отдаётся под ногами, обретая смысл. — Что ты тут делаешь?

Она вздрогнула и обернулась. Увидев его, её лицо озарилось такой мгновенной, искренней радостью, что у него замерло сердце. Он не сдержался — протянул руку, коснулся её плеча сквозь тонкую ткань куртки, ощутив под пальцами знакомый, родной изгиб, и притянул к себе. Она вздохнула с облегчением, уткнувшись лицом в его грудь, в запах старой кожи и осени. Он обнял её, и мир на мгновение сузился до этого островка тепла среди вселенского холода, до тишины, звонкой от биения двух сердец.

— А ты что тут делаешь? — её голос прозвучал ему в грудь, веселый, немного смущённый, как звон колокольчика в пустом поле. — Я вот автобус после учёбы жду !

Она отстранилась, чтобы посмотреть ему в глаза, и в её взгляде читалась лёгкая шалость, та самая, что зажигала в нём звёзды.

— Как у тебя дела? — спросил он, не отпуская её руки, маленькой и холодной в его ладони.

Радость на её лице померкла словно тучка закрыла солнце. Она опустила глаза, рассматривая разломанную плитку под ногами, узор трещин, похожий на карту чужой страны.

— Не очень.

— Что случилось? — его голос стал мягче, в нём зазвучала тревога, знакомая и горькая.

— Да всё эта учёба! — она махнула рукой, будто отгоняя надоедливую, назойливую муху. — Ты же знаешь, какие у меня там проблемы. Чтобы пересдать экзамены совсем мало времени, а я... я вообще не хочу этим заниматься. Чувствую себя птицей в клетке, которая забыла слова своей песни. Родители убьют меня, если не сдам.

— Да ну, брось ты! — он потряс её руку, пытаясь вложить в слова уверенность, которой у него и самого-то не было. — Родители ничего не сделают, ты же их любимица! Тем более ты такая умная — справишься со всем. У тебя огонь в глазах, когда ты говоришь о том, что тебе нравится. А не об этих скучных формулах, которые ничего не значат.

— Если бы... — она прошептала так тихо, что он едва расслышал, уловив только движение губ. — Просто родители всё решили за меня. Выбрали этот институт, эту специальность... Мне там совсем не место, Макс. Я задыхаюсь.

— Понимаю, — сказал он глухо, и его собственные проблемы нахлынули с новой силой, чёрной, тяжёлой волной. — У меня дома тоже кошмар. Как всегда.

— Опять отец? — она посмотрела на него с таким бездонным пониманием и состраданием, что ему захотелось снова спрятать лицо у неё на плече и никогда не выныривать.

— А кто же ещё? — он с силой выдохнул, и его сжатые кулаки в карманах куртки задрожали от бессильной ярости.

— Но я не хочу об этом говорить! Не сейчас. Не здесь. Поехали!

В этот момент, словно по волшебству, нашедшему их среди миллионов, из-за поворота, громыкая и пыхтя, выкатился их старый, выдавший виды автобус. Он был похож на уставшего жёлтого кита, с облупившейся краской и заляпанными грязью стёклами, за которыми угадывались смутные силуэты.

— О, наш! — воскликнула Саша, и её настроение снова, будто по щелчку, переключилось на радостное, солнечное, как будто она поймала лучик в ладошку.

Они запрыгнули в салон, пахнущий сыростью, бензином и приторной химией дешёвого освежителя воздуха, и пробились в самый конец, на единственное свободное сиденье у заднего окна.

Автобус дёрнулся и потащил их по знакомому маршруту мимо проплывающих мимо витрин и огней. Саша сразу же приникла к Максиму, положив голову на плечо, как будто искала там точку опоры для всего мира. Он взял её руку в свою и сжал, пытаясь согреть, передать через кожу частичку своего тепла. Какое-то время они ехали молча, под мерный, убаюкивающий гул двигателя и покачивание на кочках. Не нужно было слов. В этом молчании, в лёгком соприкосновении плеч и сплетённых пальцев была целая вселенная. Они были двумя половинками одного разбитого стекла, которые, соединяясь, не просто складывались в целое, а начи-

нали преломлять свет иначе, создавая новые, невозможные раньше блики. Он наполнял её своей упрямой решимостью, она его — своей нежной, хрупкой и при этом невероятно прочной надеждой.

— Как так мы встретились здесь? — нарушил тишину Максим, всё ещё не веря своему счастью, этому случайному подарку судьбы.

— Сама не знаю! — она засмеялась, и звук её смеха был лучшим лекарством от осенней хандры, звонким и чистым. — Я сегодня сбежала с учёбы на самом деле. Просто гуляла, смотрела на витрины и не знала куда себя деть. Вот и решила, что пора возвращаться в свою домашнюю тюрьму .

— А у меня отменили пару, — поделился он. — И... отец разбил мой телефон. В очередной раз.

— Да ладно? — её брови взлетели вверх. — И как мы теперь будем общаться? Ты же пропадёшь. Снова .

— Не переживай, я что-нибудь придумаю. Главное, что ты сейчас со мной.

Она улыбнулась, и её глаза блеснули озорной, знакомой искоркой, которая сулила приключение.

— Может, не поедет домой? — выпалила она неожиданно, словно бросила вызов самой судьбе.

— А куда?

— Поехали до конечной. В тот соседний городок, помнишь? А потом... пойдём назад пешком. Просто гулять. Пока не стемнеет совсем.

Мысль о побеге, даже на несколько часов, была такой сладкой, такой запретной и манящей, что перехватило дыхание.

— Поехали! — он согласился мгновенно, без тени раздумий, потому что с ней любое безумие становилось единственно верным путём.

Они вышли на пустынной конечной остановке в чужом крошечном городке. Вокруг были незнакомые пятиэтажки, тихие дворы с одинокими качелями и пустынная дорога, уходящая в поле. И это было идеально.
Побег.
От институтов, от родителей, от скандалов за тонкими стенами, от всего тяжелого и предсказуемого мира. Только они двое и эта бесконечная асфальтовая лента под ногами, ведущая в никуда и одновременно — в самое главное.

Они шли, крепко держась за руки, и их шаги отбивали общий ритм, ритм двоих. Шутили, смеялись, делились самыми нелепыми мечтами — уехать на край света, построить дом на дереве, стать циркачами или открыть кафе, где будут кормить только пирожными. В эти минуты их проблемы казались такими далёкими и мелкими, как звёзды днём.

— Эх, жалко, сигареты нет! — грустно воскликнул Максим, глядя на багровеющий, раскинувшийся во всю ширину неба закат.

— Подожди-ка! — загадочно сказала Саша и начала рыться в своем объемном, вечно полном всякой всячины рюкзаке.

— Что у тебя там?

— Держи! — она торжествующе вытащила пачку сигарет его любимой, дешёвой марки, немного помятую.

— Чего? Откуда? Ты же не куришь!

— Конечно, не курю! Я... купила для тебя. Просто так.

— Как это «для меня»? — он смотрел на неё, не понимая, чувствуя, как внутри что-то тает и разливается теплом.

— Ну, у тебя же часто не бывает денег, — она слегка смутилась, опустив глаза, будто пойманная на чём-то важном. — Впрочем, как и у меня. Просто... увидела в киоске и решила взять. На всякий случай. Чтобы у тебя было. Чтобы ты не нервничал, когда захочешь.

Он смотрел на неё — на эту хрупкую, казалось бы, девочку с огромным, всепонимающим сердцем, которая думала о нём, когда у неё самой мир рушился под давлением долгов и ожиданий. В его глазах встала невероятная, почти болезненная нежность, обожание, перед которым он был беззащитен.

— Ты... ты... — голос сорвался, потеряв все слова. Они казались слишком бледными. — У меня просто нет слов.

— Я люблю тебя, — тихо сказала она, и эти слова прозвучали не как робкое признание, а как простая, непреложная истина мироздания. Как «небо синее» или «трава зелёная». Факт, не требующий доказательств.

— Нет, это я тебя люблю! — страстно, с надрывом вырвалось у него, как выдох, копившийся целую вечность. Он при-

тянул её к себе, отстранил чёлку с её лба, ощутив под пальцами шелковистость прядей, и поцеловал. Нежно, с трепетом, будто боялся разбить хрустальную вазу в своих руках. В этом поцелуе была вся его юношеская тоска, вся накопленная нежность, всё немое обещание, которое он не мог сформулировать словами. — Вместе мы со всем справимся. Вот увидишь. Мы прорвёмся. Проложим свою дорогу.

— Я знаю... — прошептала она в ответ, и по её щеке, тёплой от его дыхания, скатилась одна-единственная, бриллиантовая слеза, оставившая на коже сияющий след. — Мы всё выдержим. Всё. Потому что мы — это мы.

Они стояли так очень долго, прижавшись лбами друг к другу в полной, благоговейной тишине. Дышали одним воздухом, смешивали дыхание, слушали, как бьются их сердца, сначала вразнобой, а потом — сливаясь в один спокойный, уверенный ритм. Время вокруг них действительно остановилось. Закат замер в багровой и золотой дымке, ветер притих, затаившись в придорожной траве, даже редкие прохожие как будто растворялись в сумерках, не нарушая этот священный круг. Казалось, этот момент, эта точка во вселенной, где есть только они двое, будет длиться вечно. Это была совершенная и такая хрупкая иллюзия вечности.

— Мне пора, — наконец, с титаническим усилием выговорил Максим. Голос его был хриплым от невысказанного. — Надо скорее домой, иначе... будет только хуже. Встретимся завтра?

— Я знаю, — она кивнула, не открывая глаз, как будто стараясь запечатлеть в памяти это ощущение. — Мне тоже. Обязательно.

И они разошлись. Не поцеловались на прощание, не обернулись, не помахали рукой. Просто отпустили руки, и их ладони, ещё хранившие общее тепло, медленно разомкнулись. Пошли в противоположные стороны — он налево, она направо. Назад. В свои параллельные миры, полные чужих голосов, тяжёлых взглядов, скандалов за тонкими стенами, учебников с непонятными формулами и тихого, ежедневного отчаяния.
Расстояние между ними увеличивалось с каждым шагом, поглощая сначала метры, потом кварталы. Но как бы далеко они не уходили, он чувствовал — между ними натянулась невидимая, эластичная нить. Она была невероятно крепкой, сплетённой из смеха у старой остановки, из тепла в переполненном автобусе, из вкуса дешёвой сигареты, подаренной просто так, и соли одной-единственной, чистой слезы. Она связывала их через шумные улицы, через молчаливые годы, через всю боль, разочарования и радости, что были потом. Это была пуповина, соединяющая две одинокие планеты в собственную, неповторимую систему.

Это было тогда. Много лет назад. В совершенно другой жизни.

А что сейчас?

Можно ли порвать эту нить навсегда, перерезать это незримое упругое биение? Или, пытаясь разорвать её в ярости или отчаянии, можно только затянуть

петлю туже, пока она не врежется в самое горло, не будет жечь кожу, беззвучно напоминая о том, что некоторые связи сильнее времени, сильнее разлуки, сильнее даже самой яростной и осознанной попытки забыть?

Глава 5. Я.

Металл кулона был ледяным и тяжёлым в моей ладони, будто выточенным не из серебра, а из сгустка ночного кошмара. Я сжала его так, что зазубренный край ключа впился в кожу, оставляя болезненный отпечаток. Это была не просто вещьца.

Это был осколок.

Осколок правды, выпавший из разбитого зеркала моего прошлого. Я судорожно, с животной поспешностью запихнула его обратно в тайник, вжала панель на место, разгладила обои ладонью, словно прятала не украшение, а улику с места преступления. Теперь у меня был этот маленький, холодный кусочек пазла. И я должна была беречь его как зеницу ока, как последний шанс на спасение от безумия, которое медленно, но верно оплетало мою жизнь.

Глубоко вдохнув, я попыталась натянуть на лицо маску спокойствия. Разгладила морщинки на лбу, расслабила сведённые челюсти. Моё отражение в потускневшем зеркале шкафа выглядело бледным, но более-менее уравновешенным.

Пора.

Пора спуститься вниз и посмотреть в глаза не только маме, но и всем призракам, что, казалось, наполнили этот дом плотнее воздуха.

Уже на первой ступеньке лестницы ноги стали ватными. А на третьей случилось ЭТО.
Мир резко качнулся, пол ушёл из-под ног, и я судорожно вцепилась в резные деревянные перила, чтобы не рухнуть вниз головой. В ушах зазвене- ла тонкая, пронзительная нота. Я зажмурилась, пытаюсь по- давить волну тошноты. И тогда...

...тогда я не просто вспомнила. Я вернулась.

Лестница была той же, но светлее, пахнувшей свежей крас- кой и пирогом с яблоками. Я в любимых носках с едино- рогами, кралась вниз, прижавшись к стене, словно мышка. Внизу, на кухне, за закрытой дверью, гулко и сердито гудели голоса родителей.
Спор.
Редкий, пугающий своей интенсивностью спор. Я прилипла к щели, затаив дыхание.

— ...она опять была с этим Максимом! — голос матери, обычно такой мягкий, сейчас звенел, как надтреснутый хру- сталь, от сдержанного раздражения. — Их видели у старой плотины! Они целовались !

— Ну и что с того, Тань? — ответил отец, его баритон звучал устало, пытаюсь сгладить углы. — Ей девятнадцать . Первая влюблённость. Это нормально.

— Нормально? — мама фыркнула, и в этом звуке было что-то ледяное. — Да как ты не понимаешь? Он ей не пара! Совсем! Он из той...

— Из какой той ? — отец оборвал её, и в его голосе впер- вые прозвучала сталь. — Мы с тобой тоже были из разных «тех», если помнишь. Мои родители тоже считали, что я по-

гублю свою жизнь, связавшись с девчонкой из соседнего посёлка. Вспомни наши тайные свидания в старом сарае. Разве мы были неправы?

Наступила пауза. Я слышала, как мама нервно вздыхает.

— Это другое, Серёж, — её голос снова стал тише, но не мягче. — Совсем другое. Тогда... тогда была просто любовь. А сейчас... я чувствую что-то не то. Он мне не нравится. Он её... он её погубит. Я это чувствую !

Последние слова она выкрикнула слишком громко, и тут же осеклась, будто испугавшись собственной пророческой ноты. Следующая фраза прозвучала уже шёпотом, густым, ядовитым, от которого у меня, даже сейчас, в воспоминании, похолодела спина:

— Ты хоть знаешь, кто его семья? Что его отец... — шёпот стал совсем неразборчивым, сливаясь с шипением чайника на плите.

И тут что-то во мне, в той юной, подслушивающей девочке, не выдержало. Чувство жгучей несправедливости, ярости за него, за моего Максима, которого так нелепо, так слепо не принимали, переполнило чашу. Я не помнила, как оттолкнулась от стены. Помнила только грохот собственных ног, нарочито тяжёлых и громких, по деревянным ступеням. Я ворвалась в кухню, красная от гнева, сжав кулаки.

— Я! Я знаю, кто он! — мой голос, ещё не сломленный, звенел по всей квартире. — И что с того? Он самый лучший, самый добрый человек! А вы... вы сплетничаете за спиной!

Мама ахнула, отпрянув к плите. Её лицо, секунду назад искажённое гневом, стало восковым от ужаса и вины.

— Саша, доченька... — она протянула ко мне руки, но я отшатнулась. — Я ничего плохого не имела в виду... Я просто волнуюсь...

— Может, тогда будешь говорить мне в лицо? — я задыхалась, слёзы горели в глазах, но я не давала им вырваться. — А не шептаться, как... как змеи! Как вы можете его так? Как вы можете не видеть какой он?

Отец молча смотрел на нас, его лицо было каменной маской, за которой бушевала своя буря.

— Саша, прости, — прошептала мама, и в её глазах стояли настоящие слёзы. Но тогда, в девятнадцать, я не хотела их видеть. Я видела только предательство.

— Не надо! — выкрикнула я, и это было похоже на вой раненого зверя. Я развернулась и выбежала из кухни, вверх по лестнице, в свою комнату, хлопнув дверью так, что задребезжали стёкла во всём доме.

Осознание вернулось ко мне резко, как удар. Я стояла, всё так же вцепившись в перила, на той же лестнице, но много лет спустя. Головокружение отступило, оставив после себя странную, вывернутую наизнанку пустоту. Но эмоции... Те яростные, обжигающие чувства подросткового бунта — они остались. Они пылали во мне, свежие и острые, будто ссора произошла вчера.

«Как мама может скрывать от меня что-то?» — этот во-

прос теперь звучал по-новому, обретая зловещую плоть. Она не просто скрывала. Она боялась. Боялась Максима. Боялась его семьи. До истерики. До пророчеств о «гибели». И это было не обычное материнское предубеждение. Это был страх, уходящий корнями в нечто тёмное и реальное. Она что-то знала.

Воспоминание было не просто флешбеком. Это был ключ. Возможно, второй по важности после того холодного металла в стене.

Я выпрямила спину. Дыхание выровнялось, но внутри всё застыло в ледяной, непреклонной решимости. Больше не будет побегов. Больше не будет игр в послушную дочку. Я медленно, с новой, твёрдой тяжестью в каждом шаге, спустилась по лестнице. Моя походка была уже не робкой, а уверенной, почти вызывающей. Призраки были вызваны. Теперь пришло время потребовать у них ответы.

Глава 6. Он.

Конец августа пах пылью, увяданием и обещанием института уже буквально завтра. Они сидели на краю старой деревянной плотины, ноги болтались над тёмной, почти чёрной водой, отражавшей первое багровое небо сумерек. Воздух был тёплым и густым, как сироп.

Максим молчал дольше обычного. Он не смотрел на неё, а вглядывался куда-то вдаль, за реку, где начинали зажигаться первые огни. Его пальцы нервно перебирали что-то в кармане старой, поношенной куртки — единственной приличной, как он считал, вещи. Он весь был одним большим, живым узлом из напряжения.

— Ты чего такой тихий? — наконец спросила Саша, слегка толкнув его плечом своим. — Про учебу уже думаешь что ли? Страшно?

Он покачал головой, не в силах вымолвить слово. Страшно было не завтра. Страшно было сейчас. Он вытащил из кармана скомканный носовой платок, аккуратно развернул его. На ладони, на фоне выцветшей синей клетки, лежало Оно.

Кулон.

Не из магазина, не гладкий и блестящий, а какой-то... настоящий. Серебро было старинным, потускневшим, будто его долго носили. Большой, витиеватый ключ, старомодный

и серьёзный красовался вместе с замком в виде сердца . Он лежал на ладони у Максима, словно живое, тёплое существо, и цепочка из таких же старых звеньев мягко сползала между его пальцев.

Саша замерла. Её дыхание стало тише, чем шелест камыша позади них.

— Это... — начала она, но не закончила.

— Я нашёл его, — выпалил Максим, голос его сорвался на полуслове, и он сглотнул. — Вернее... он был у бабушки. Единственное, что от неё осталось. Она говорила... — он запнулся, подбирая слова, которые казались ему слишком глупыми, слишком пафосными, чтобы произносить их вслух. — ...что это ключ. Не от двери. А от... — Он не мог сказать «от сердца». Это было выше его сил. Вместо этого он просто протянул ладонь с кулоном ближе к ней, и его рука заметно дрожала. — Он твой. Если хочешь.

Он боялся поднять на неё глаза. Боялся увидеть насмешку, недоумение, жалость. Как он мог подумать, что эта старьё, эта безделушка с чужой биографией может что-то для неё значить? Она, такая лёгкая, светлая, пахнувшая не речной сыростью, а чем-то дорогим и настоящим .

Но насмешки не было. Тишина стала другой — насыщенной, звенящей. Он рискнул взглянуть.

Саша смотрела на кулон не как на вещь. Она смотрела, как на чудо. Её глаза, обычно такие озорные, стали огромными, тёмными, глубокими. В них отражалось багровое небо и

этот странный ключ. Она медленно, с невероятной осторожностью, будто боялась спугнуть, протянула руку. Не схватила, а приняла. Кончики её пальцев коснулись его ладони, и Максиму показалось, что по его коже пробежала волна тока.

Она подняла кулон, и старый металл на миг поймал последний луч солнца, вспыхнув тёплым, скупым золотом. Она повертела его, рассматривая каждый завиток, каждую царапину.

— Он... тяжёлый, — прошептала она, и в её шёпоте было благоговение. — И старый. Как будто у него есть история.

— Да, — только и смог выдавить Максим, чувствуя, как камень сваливается с души, но на его место приходит что-то новое — трепетное, огромное.

— И ключ... он настоящий? — она посмотрела на него, и в её взгляде была не просто благодарность, а какое-то глубинное понимание, которое заставило его сердце биться где-то в горле.

— Я... я думаю, да. Он от чего-то открывает. Только мы ещё не знаем, от чего, — он нашёл в себе силы улыбнуться, и это была робкая, незащищённая улыбка, которую он никогда никому не показывал.

Саша ответила ему улыбкой, такой яркой, что в ней померкло уходящее солнце. Не говоря ни слова, она повернулась к нему спиной и откинула со своей шеи длинные, светлые волосы. Молчаливая просьба была понятна без слов.

Руки Максима снова задрожали, когда он взял цепочку.

Замок был крошечным и капризным. Он потратил вечность, пытаясь застегнуть его, чувствуя тепло её кожи и запах её шампуня, от которого кружилась голова. Наконец щелчок прозвучал, тихий и значимый, как печать.

Саша обернулась. Кулон лежал у неё на груди, на простой футболке, и казался теперь не просто находкой, а частью её. Чем-то важным.

— Я никогда не сниму его, — сказала она тихо, но с такой твёрдостью, что в это нельзя было не верить. Её пальцы обняли металлическое сердечко, прижали его к себе. — Никогда. Спасибо, Макс.

Он не знал, что сказать. Всё, что он чувствовал — этот бушующий океан облегчения, гордости и невероятной, всепоглощающей нежности — не умещалось в словах. Он просто кивнул, и его рука сама потянулась к её, нащупала её пальцы и сжала их. Они сидели так, уже не глядя на воду, держась за руки, а между ними, на её груди, лежал холодный металлический ключ, который в этот вечер стал самым горячим и самым страшным обещанием в их жизни.

Максим снова видел этот момент — не вспоминал, а видел, — словно проклятый кинопроектор в его черепе вновь запустил самую важную, самую болезненную пленку.

Он ощущал всё: липкий августовский жар, смешанный с вечерней прохладой над водой; запах влажной древесины плотины и её собственного дешёвого одеколona, которым он тогда, дурак, облился с ног до головы. Он снова чувствовал,

как неровное, предательское биение его сердца отдаётся в кончиках пальцев, лежавших на скомканном платке. И тот металл — холодный, тяжёлый, единственная ценность его бедного мира.

Он снова переживал ту робость, тот ужас перед её отказом. И снова, сквозь года, сквозь боль и ярость, его пронзила вспышка чистого, невысказанного счастья, когда её пальцы — лёгкие, как крылья мотылька — коснулись его ладони, чтобы принять его дар. Её глаза, широко распахнутые, полные не насмешки, а какого-то благоговейного трепета. Её шепот: «Он тяжёлый. Как будто у него есть история». И её клятва, произнесённая с такой детской, страшной серьёзностью: «Я никогда не сниму его».

Память донесла до него и тепло её кожи под затылком, когда он, с дрожащими от волнения руками, застёгивал капризный замочек. И то, как кулон лёг на её футболку, став не просто украшением, а талисманом, печатью, знаком, что он, Максим, мальчик с окраины, чьё имя учителя в школе вечно коверкали, был теперь кому-то нужен. Избран.

«Никогда».

Слово прозвучало в его сознании не как эхо, а как приговор, заглушённый грохотом обрушившегося мира. Потому что она сняла. Она ушла. Она сломала обещание и разбила его сердце вдребезги. И эти осколки вот уже десять лет резали его изнутри.

Почему сейчас? Зачем память вытаскивает на свет эту по-

золоту былого счастья, когда его душа давно проросла чертополохом злобы и боли? Он сидел в потёмках своей каморки, кулаки впились в волосы, и сквозь рёв ярости в висках вдруг пробилась тонкая, ледяная нить догадки.

Не просто воспоминание. Это было... ощущение. Словно в тот самый миг, когда он мысленно увидел кулон на её шее тот самый холодный металл отозвался. Словно их связь, эта проклятая, неразорванная пуповина души, на мгновение снова ожила и провела по ней ток. Неуловимо. Необъяснимо.

Он резко поднял голову, уставившись в грязное окно, за которым уже сгущалась ночь. Глаза, налитые кровью от бессонницы, горели странным, почти мистическим огнём.

Неужели он снова у неё?

Мысль казалась абсурдной. Бредовой. Но она впилась в мозг когтями. Что, если она его нашла? Что, если её внезапный приезд, её появление на перроне, которое он счёл галлюцинацией — не случайность? Что, если её тоже гонят сюда не просто сны, а осязаемые призраки? Призраки в форме старого серебряного ключа?

Сердце, которое только что сжималось от ностальгической боли, вдруг заколотилось с новой силой — силой дикой, первобытной надежды. Не той светлой надежды юности, а тёмной, жаждущей. Если кулон у неё... значит, она помнит. Не всё, но что-то. Значит, та стена забвения, которую, как он всегда подозревал, возвели вокруг неё, дала трещину. И через эту трещину проглядывает их правда. Их общая, вы-

жженная земля прошлого.

Он медленно разжал пальцы, спрятанные в волосах, и посмотрел на свои ладони. Те самые ладони, что когда-то дарили ключ от всего сердца. Те самые, что потом во снах сжимались на её шее в ярости и отчаянии. В них пульсировала странная энергия — остаток того «электрического» толчка, что пробежал по призрачной связи.

Романтика их первой, неловкой и такой искренней близости теперь была отравлена ядом лет и страданий. Но она никуда не делась. Она превратилась в опасный, летучий сплав, где обожжённая любовь уже неотделима от одержимости, а желание защитить — от жажды обладать. Если она прикоснулась к их общей тайне... то она уже не просто беглянка из его прошлого. Она стала игроком. Неосознанным, может быть, но игроком в их старой, незаконченной игре.

И теперь правила снова менялись. Он больше не был просто тенью, преследующей её по кошмарам. Теперь у них был общий артефакт. Общая точка отсчёта.

«Найди меня, — словно шептало ему холодное эхо кулона сквозь время и пространство. — Если ты помнишь, найди меня».

Максим встал. Темнота комнаты внезапно перестала быть пустой. Она была полна призраками и возможностями. Уголки его губ дрогнули, но это не была улыбка. Это была гримаса решимости, окрашенная всей гаммой чувств, что бушевали в нём: от робкой нежности воспоминаний до стальной

хватки одержимости.

Он подошел к окну, упёрся лбом в холодное стекло и уставился в ту сторону, где, как он теперь знал, была она. И её шею, возможно, снова обвивала та самая цепочка.

Игра началась по-настоящему. И на кону было уже не просто призрачное прошлое, а сама её реальность.

Глава 7. Я.

Кухня, некогда сердце нашего дома, сейчас казалась мне декорацией к странному, напряжённому спектаклю. Здесь пахло свежесваренным чаем и фирменным пирогом с яблоком — мама, как всегда в стрессовых ситуациях, замесила тесто, но запах домашнего уюта не мог перебить запах лжи, витавший в воздухе.
Занавески в мелкий цветочек, выцветшие за годы, все так же колыхались от сквозняка. На столе красовалась знакомая скатерть с потёртой кромкой, а на полке у окна, как часовые прошлого, стояли те же самые фигурки котят из фарфора, подаренные ей в детстве. Всё было знакомо до боли, но теперь каждый предмет казался немым свидетелем тайн, которые он хранил.

Мама металась между плитой и столом, бессмысленно переставляя чашки, вытирая и без того чистые поверхности. Её движения были резкими, порывистыми. Она то и дело поправляла седую прядь, выбившуюся из пучка, и её пальцы заметно дрожали. Её глаза, обычно такие спокойные, теперь бегали, не желая встречаться с моим взглядом, словно ища спасения на знакомых обоях в горошек.

Папа сидел на своём обычном месте у окна, медленно размешивая ложкой сахар в стакане. Он сохранял ледяное, почти неестественное самообладание. Лишь лёгкое подрагивание мышцы на скуле выдавало внутреннее напряжение. Он

пытался быть якорем, сгладить острые углы.

— Ну что, доча, рассказывай, как твои дела в столице? — начал он, и его голос прозвучал слишком громко в этой наэлектризованной тишине. — Как там Андрей? К свадьбе все готово ?

Но я не собиралась играть в светские беседы. Я положила ладони на прохладную пластиковую поверхность стола, ощущая его ребристую фактуру.

— Мама, папа. Я приехала не для пирога. Мне нужны ответы.

Мама застыла у плиты, её спина напряглась.

— Какие ответы, Сашенька? О чём ты? — её голос прозвучал тонко, почти пискляво.

— О моём прошлом. О том, что было здесь, до моего отъезда. — я сделала паузу, глотая ком в горле. — Была ли у меня... ну может быть ...первая любовь?

Слово «любовь» повисло в воздухе, как хлопковая нить, готовая порваться. Мама ахнула, будто её укололи булавкой.

— Что ты, что ты! Какая первая любовь в том возрасте ? — она замахала руками, как будто отгоняя назойливую муху. — Детские увлечения, шалости! Ты же отличницей была, в секциях занималась...

— Мама, не надо, — тихо, но твёрдо перебила я её. Я видела, как бледнеет лицо матери, как её глаза наполняются необъяснимым ужасом. — Я не о шалостях или влюбленностях в кумиров. Я о другом. О Максиме.

Имя, словно разорвавшаяся граната, оглушило кухню. Мама побледнела до зелёного оттенка, схватившись за край стола для опоры. Отец перестал размешивать чай, его ложка замёрзла в воздухе.

— Откуда... откуда ты знаешь это имя? — прошептала мама, и её шепот был полон животного страха.

— Он приходит ко мне. Каждую ночь. В снах, — Саша не отводила взгляда. — И я почти ничего не помню. Только обрывки. Мысли, чувства... и пустоту. Почему я ничего не помню? Что вы от меня скрыли?

— Ничего мы не скрывали! — голос мамы сорвался на крик. Она заломила руки. — Не было никакого Максима! Тебе показалось! Это твоя фантазия, нервное напряжение перед свадьбой! Ты просто переутомилась, доченька!

— Таня, успокойся, — наконец вступил отец. Его голос был низким, успокаивающим, но в нём звучала стальная команда. Он положил ладонь на руку жены, но та дёрнулась, как от прикосновения раскалённого железа. — Саша, милая, твоя мама права. У тебя была насыщенная юность, много друзей. Возможно, этот... мальчик, был среди них. Но не более того. Зачем ворошить старое? У тебя сейчас прекрасный жених, светлое будущее.

Они говорили слаженно, как по заранее отрепетированному спектаклю. Их слова были гладкими, заботливыми, но за ними чувствовалась сплошная, непробиваемая стена. Они не просто что-то скрывали. Они боялись. И этот страх был

даже сильнее их любви ко мне в данный момент.

Ощущение беспомощной ярости и ледящего разочарования подкатило к горлу.

Они не скажут. Не сейчас.

Может, никогда.

— Я всё поняла! — воскликнула я и отодвинула стул. Скрип ножек по линолеуму прозвучал оглушительно громко. — Простите, что побеспокоила.

— Сашенька, куда ты? — мама бросилась ко мне, хватая за рукав. Её пальцы цеплялись судорожно. — Уже вечер! Останься дома, отдохни!

— Я взрослый человек, мама. Мне нужно подышать воздухом, — я аккуратно, но решительно высвободила рукав. — Прогуляюсь. По городу. По своим местам.

— Нет, нельзя! — в голосе матери снова прозвучала та самая паническая нота. — Там... темнеет уже! Не ходи, пожалуйста!

Но я уже была в дверях, обернувшись я встретила взглядом с отцом. В его глазах я прочла не запрет, а тяжёлую, усталую скорбь и... предупреждение. Безмолвное, но оттого ещё более весомое.

— Я скоро вернусь, — сказала я тихо и вышла, хлопнув входной дверью.

Вечерний воздух был прохладным и влажным, пахнул опавшей листвой, речной сыростью и дальним дымком. Первые фонари зажглись на пустынных улицах, отбрасывая длинные, искажённые тени. Я просто шла, не зная цели, а но-

ги сами несли меня по маршрутам, выжженным где-то глубоко внутри .

Вот аллея у парка, где мы с подружками катались на роликах, и где я впервые упала, разбив коленку в кровь. Теперь здесь треснутый асфальт и сломанная лавочка.

Вот кинотеатр «Родина», на афише которого когда-то красовались глупые мелодрамы. Теперь он был заколочен, и сквозь трещины в дверях заглядывала тьма.

А вот и та самая плотина. Деревянные доски скрипели под ногами уже не так громко, некоторые сгнили и провалились. Я подошла к краю, туда, где когда-то болтали ногами. Села на холодное, шершавое дерево. И ностальгия, острая и горькая, как полынь, нахлынула на меня волной.

Здесь я чувствовала себя свободной. Здесь смеялась до слёз. Здесь, может быть, впервые по-настоящему была счастливой. Я закрыла глаза, пытаюсь поймать эхо тех чувств, ухватить тень того, кого не могла вспомнить. В памяти всплывали лишь ощущения: трепет в груди, тепло руки в своей руке, смех, заглушаемый гулом воды. И холодок металла на шее...

Я машинально, по старой, въевшейся в тело привычке, потянулась к груди. Кончики пальцев искали знакомый холодок, шершавый металл, выпуклости ажурного ключа. Жест был отработан до автоматизма, будто я проделывала его тысячи раз на протяжении многих лет. Но под подушечками пальцев встретилося лишь гладкое, почти невесомое тепло.

Тонкая, изящная золотая цепочка — подарок Андрея на годовщину. И маленький, холодный кубик с гравировкой моего имени. Современно, дорого, красиво. Правильный подарок для правильной невесты.

Но мои руки, будто живые существа с собственной памятью, не хотели мириться с этой красотой. Они продолжали искать. Искать ту старую тяжесть. Тот грубоватый, потускневший металл. Тот ключ, вросший в сердце, который не просто висел на шее, а будто врезался в неё, становясь частью анатомии. Ту цепочку, что не столько украшала, сколько держала, напоминая о чём-то очень важном. Руки искали не украшение. Они искали якорь. Или оковы. Разницу я уже не понимала.

Где-то в глубине души шевельнулось смутное, тревожное понимание: я пришла не просто погулять. Я пришла искать. Не ответы у родителей — они спрятаны слишком хорошо. Я пришла искать следы.

Следы Максима.

Следы самой себя, той девчонки, которую так старательно стёрли из моей же собственной жизни. И тихий, спящий город, казалось, хранил эти следы в каждой трещине асфальта, в каждой скрипе старой доски, в каждом отблеске уличного фонаря на чёрной воде.

Глава 8. Он.

Максим шёл не по асфальту, а по лабиринту собственного раздражения. Вечерний город, его город, дышал ему в спину влажным, равнодушным холодом. Он засунул руки глубоко в карманы потрёпанной куртки, пальцы внутри судорожно сжимались и разжимались. Каждый знакомый поворот, каждый силуэт старого тополя на фоне неба будил в нём не ностальгию, а гнев.
Здесь всё было пропитано ею.
И теперь, после той электрической вспышки воспоминания о кулоне, это «её присутствие» стало почти физическим, давящим.

Он не гулял — он патрулировал. Его шаги были тяжёлыми, неосознанно ведущими его по старому, излюбленному маршруту: от гаражей за школой, вдоль покосившегося забора бывшего завода, к реке.

К плотине. К их плотине.

Мысль о том, что она, возможно, в эту самую минуту находится в его городе, сводила сознание с ума. Она дышит этим же воздухом. Смотрит на ту же воду. Может, вспоминает? А может, стирает последние крохи памяти, которые мешают ее новой жизни ?

От этой мысли в висках застучало. Он свернул с главной улицы в узкий проулок между гаражами, короткий путь к реке. Тень поглотила его целиком. Здесь пахло ржавчиной,

кошачьей мочой и сыростью. Он шёл, не замечая мусора под ногами.

Саша, чувствуя леденящую сырость от воды, поднялась с плотины. Ей стало не по себе. Тревога, гнавшая её из дома, не утихла, а лишь сменила форму, превратившись в щемящее, беспокойное одиночество.
Она решила вернуться не прямой дорогой, а длинной, через старый парк — ещё одним кусочком прошлого, который хотелось проверить на ощупь.
Она свернула на аллею, ведущую от реки к центру, ту самую, где когда-то стояли качели. Она шла быстро, кутаясь в лёгкую куртку, её взгляд скользил по спящим деревьям, ища в них утешения, которого они дать не могли.

Максим вышел из проулка как раз к началу той же аллеи, но с противоположного конца. Его взгляд, острый и беспокойный, автоматически прочёсывал пространство.

Он увидел вдалеке, метрах в ста, одинокую женскую фигуру, быстро удаляющуюся в сторону центра. Свет фонаря на повороте выхватил на миг светлые волосы, собранные в хвост.

Сердце в его груди совершило один резкий, мощный удар,

от которого перехватило дыхание. Всё внутри замерло, а потом взорвалось лихорадочным адреналином.
Она?
Инстинкт кричал «ДА!».
Он сделал рывок вперёд, несколько быстрых, почти беговых шагов. Его рука сама потянулась, будто желая настигнуть этот силуэт на расстоянии.

Но тут с другой аллеи, пересекая путь, громко разговаривая и смеясь, вывалилась компания подростков. Они пронеслись между ним и удаляющейся фигурой, на миг полностью заслонив её.
Максим, скрипя зубами, вынужден был резко свернуть, чтобы не столкнуться. Эта секундная задержка, этот шумный, живой заслон оказались роковыми.

Когда подростки прошли, аллея впереди была уже пуста. Фигура исчезла — свернула за угол, растворилась в тени между домами. Он замер на месте, весь превратившись в слух и зрение. Вдалеке донёсся приглушённый звук захлопнувшейся калитки. Или показалось? Ветер донёс обрывки чужого смеха и запах сигарет, но это было не то что он искал.

«Призрак, — прошипел он себе под нос, чувствуя, как бешеная надежда сменяется знакомой, разъедающей душу яростью. — Снова призрак. Играешь со мной?»

Он так и не двинулся с места, вглядываясь в темноту, куда она скрылась. Они были так близко. Разделяли какие-то сто метров, пара поворотов, несколько секунд.

Вселенная, казалось, нарочно вставила между ними шумную толпу, чтобы продлить эту пытку неопределённости.

Он не знал, что она, замечтавшись, даже не обернулась на

шум подростков. Не знал, что её собственная тревога гнала её прочь от реки, от плотины, от этого места силы, которое одновременно манило и пугало.

Они разминулись.
Не в пространстве, а на каком-то глубинном, судьбоносном уровне. Его путь был погоней за призраком из прошлого, полной гнева и одержимости. Её — бегством от призраков в собственной голове, полном смятения и вопросов.

Он так и простоял ещё с десятков минут, пока холод не проник под куртку. Потом развернулся и пошёл назад, к реке, к плотине — к месту, где всё началось. Туда, где, как он теперь фанатично верил, должно было всё и закончиться. Их дороги снова разошлись, но в тихом, спящем городе линии их судеб продолжали сходиться, как трещины на льду, неумолимо ползущие к единому центру разлома.

И следующая точка пересечения уже не будет случайной.

Глава 9. Я.

Местная аптека встретила меня плотным, многослойным запахом, знакомым с детства до мурашек. Это был стерильный, холодный дух камфоры и йода, под которым прятались сладковатые нотки валериановых капель и горьковатая пыльца сушёного липового цвета. Воздух был густым и неподвижным, словно законсервированным под стеклянными витринами, за которыми ровными рядами, как солдаты, стояли бутылочки с тёмно-коричневыми и зелёными жидкостями.

За прилавком, как живой памятник прошлому, сидела тётя Ира. Она зачитывалась дешёвым романом, но, увидев меня, отложила книгу, и её лицо озарилось искренней, тёплой улыбкой.

— Сашенька, родная! Боже мой, как выросла! — она вышла из-за прилавка и сжала мои руки в своих, шершавых от работы, но невероятно тёплых. Её взгляд, сначала радостный, вдруг стал печальным, затуманился каким-то старым знанием. — Я до сих пор помню, как ты тогда упала с плотины! Голова-то! Страшно было смотреть. Шрам, наверное, и сейчас под волосами виден?

Её слова повисли в густом воздухе аптеки. Я машинально дотронулась до затылка, под прядями волос нащупала знакомый с детства, неровный рубец. Я всегда считала его сле-

дом от какой-то детской шалости, упала с качелей, ударилась о край песочницы... но никогда не связывала с плотиной.

— Упала? С плотины? — мой голос прозвучал чужим, сдавленным. Я попыталась вызвать в памяти хоть что-то: боль, страх, всплеск воды. Ничего. Только смутное, тягостное чувство падения в пустоту, которое приходило в кошмарах. — Я... я не помню такого.

Тётя Ира на миг застыла. Её улыбка дрогнула и соскользнула с лица, словно маска. В её глазах мелькнуло что-то похожее на панику. Она отпрянула на полшага, словно обожглась о моё неведение.

— Ну, как же... — она засуетилась, слишком резко махнув рукой и её взгляд побежал по полкам, избегая моих глаз. — Понятное дело, сотрясение же было сильное! Очень сильное. Два месяца в больнице провалялась, мама твоя места себе не находила, плакала... Потом они сразу, как только тебя выписали, в столицу, к лучшим врачам... — она вдруг осеклась, губы сжались в тонкую нитку.
Она поняла, что сказала лишнее. Слишком много деталей.

Два месяца. Столица. Лучшие врачи.

Её пальцы с нервной лихорадочностью потянулись к ближайшей упаковке с ватой, она стала переставлять её с места на место, создавая видимость занятия. — Всё, всё давно прошло, зажило. Главное — здорова. Какая красивая стала...

Но её голос звучал фальшиво. Вся эта суета, этот внезапный интерес к упаковке ваты — всё кричало о лжи. Вернее,

не о лжи, а о страхе. Она боялась. Боялась моего вопроса, моего неведения, которое вдруг стало опасной пропастью.

— Тётя Ира, — я сделала шаг к прилавку, понизив голос. Воздух между нами стал густым, как сироп. — А что именно случилось? Я просто упала? Или... меня кто-то толкнул?

Она вздрогнула, как от щелчка. Упаковка ваты соскользнула с её дрожащих пальцев и упала на пол с приглушённым шумом.

— Господи, что ты говоришь, девочка! — её шепот был полон ужаса. Она наклонилась, чтобы поднять вату, но я видела, как трясётся её спина. — Кто тебе такое наговорил? Просто несчастный случай! Упала, ударилась, всё. Больше ничего не было. Забудь!

Но по тому, как она сказала «забудь» — с отчаянной, похожей на мольбу интонацией, — я поняла. Забыть было приказом. Возможно, тем самым, который отдали всем в этом городе. И тётя Ира его выполнила. До сегодняшнего дня.

Я не стала давить. Я видела, что из неё уже не выжать ни слова. Я лишь взяла с ближайшей полки первую попавшуюся пачку пластырей, положила на прилавок деньги.

— Спасибо, — тихо сказала я. — За пластыри. И за... воспоминание.

Я вышла из аптеки, оставив её одну в царстве лекарственных запахов и старых страхов. Теперь я знала наверняка. Удар по голове. Два месяца в больнице. Срочный отъезд. Это была не просто травма. Это была зачистка. Кто-то — роди-

тели, врачи, может, весь этот город — старательно стирал не просто память об одном дне. Они стирали целый пласт моей жизни. И я начинала понимать, что стирали они, возможно, не только из моей головы.

Я сжала в кармане пачку пластырей, ощущая под подушечками пальцев шершавую бумагу. Пластырь может скрыть лишь маленькую ранку. Но как заклеить дыру в собственной биографии? Ответ, похоже, лежал там же, где и правда — в чёрной воде под старой плотиной, куда я, по чьим-то словам, когда-то упала. Или меня столкнули.

Дом встретил меня приглушённым светом и напряжённой тишиной, которая звенела в ушах. В гостиной, под мягким светом торшера, сидели родители. Мама держала в руках вязание, но петли были сбиты в тугую, бессмысленный узел. Папа перелистывал газету, не читая, лишь шурша страницами через равные промежутки времени. Их лица были бледными масками, на которых тревога прорисовала чёткие, усталые линии. Они подняли на меня глаза одновременно, и в этом синхронном взгляде был один немой вопрос: «Ты узнала?»

Я сделала глубокий вдох, впуская в лёгкие запах домашнего уюта, который теперь казался обманчивым. А затем сняла куртку, тщательно повесила её на вешалку, выигрывая секунды, чтобы собраться.

— Я вернулась, — сказала я спокойно, даже нарочито легко, и подарила им самую обычную, бытовую улыбку. — Про-

сто погуляла. Вспомнила старые места.

— Сашенька, ты... ты уверена, что всё в порядке? — мама встала, подойдя ближе. Её глаза сканировали дочь, выискивая следы потрясения, слёз, чего угодно. — Мы волновались.

— Со мной всё хорошо, мам, честно, — я позволила ей обнять себя, оставаясь в этих объятиях пластичной, но внутренне отстранённой. Потом я даже потрепала отца по плечу, проходя мимо кресла. — Просто голова немного кружится от смены обстановки. Я думаю, мне нужно просто выспаться в своей комнате.

Я видела, как они переглянулись — быстрый, молниеносный взгляд, полный невысказанного облегчения и остаточного страха. Они поверили. Поверили этой маске усталой невесты, ностальгирующей по детству. Слово «плотина» не прозвучало. Имя «Максим» не сорвалось с губ. И уж тем более я не упомянула тётю Иру и её провалившуюся сквозь десятилетие память. Эта информация была моим оружием. Хрупким, острым осколком. И его нельзя было ронять на этот отполированный до блеска пол семейного благополучия.

— Конечно, иди отдыхай, доченька, — сказал отец, и в его голосе впервые за вечер появились естественные, тёплые нотки. — Завтра испечём твои любимые блинчики с вареньем.

Я кивнула, ещё раз улыбнулась и поднялась в свою комнату. Дверь закрылась с тихим, но окончательным щелчком. Я

прислонилась к ней спиной, закрыла глаза, слушая, как внизу начинается приглушённый, быстрый разговор. Я не могла разобрать слов, но ритм выдавал панику. Они обсуждают меня. Что я видела? Что могла вспомнить?

Отойдя от двери, я достала ноутбук. Экран загорелся в полумраке комнаты, холодным, синеватым светом выхватывая знакомые черты стола с наградами, которые теперь казались чужими трофеями. Я вбила в поиск простые, но страшные слова: «причины потери памяти», «амнезия», «частичная амнезия».

Статьи появлялись одна за другой, сухие, медицинские. Я погрузилась в чтение, и каждая строчка была в наковальню моей реальности.

Физическая травма. Удар по голове. Сотрясение мозга тяжёлой степени. Гипоксия.

Да, падение с высоты, с той самой плотины, могло привести к этому. Объясняло шрам, больничные месяцы. Логично.

Но... почему тогда стёрся не момент падения, а целые пласты жизни? Люди, отношения, месяцы, а то и годы?

Я переключилась на другой раздел.

Психологическая травма. Психика, не выдержав шока, стирает невыносимые воспоминания. Механизм защиты. Диссоциативная fuga. Чаще всего стираются конкретные, травмирующие события, а не годы. Но бывает и так... Особенно у подростков. Особенно если травма связана с чем-то

ужасным. С насилием. С предательством. Со смертью.

На экране мелькнула фраза: «Индукцированная (навязанная) амнезия». И тут я замерла.
Это когда окружающие — семья, врачи — сознательно или бессознательно помогают пациенту забыть, не возвращаются к теме, создают новую реальность.
«Забудь, Сашенька, это был просто несчастный случай. Не думай об этом. Впереди у тебя новая жизнь в столице...»

Ледяные пальцы сжали мое горло. Я откинулась на спинку кресла, глядя в потолок, по которому плясал отблеск экрана.

Куски пазла начинали вставать на свои места, но картина от этого становилась только страшнее. Не просто падение. Не просто несчастный случай.

Родители не просто скрывали правду. Они, возможно, были соавторами этой пустоты в моей голове. Они увезли меня, сменили обстановку, окружили новой повестью, где не было места плотине, первому поцелую, Максиму...

Они боялись не того, что я вспомню падение.

Они боялись того, что я вспомню причину падения.

Что же случилось на той плотине такого, что целая семья предпочла стереть часть жизни своей дочери, лишь бы она никогда не вспомнила?

И самый главный, самый жуткий вопрос встал передо мной во всей своей неотвратимости:

Что, если я не жертва? Что, если я — причина? И они спасали меня не от травмы, а от правды обо мне самой?

Страница в браузере поблёкла, уйдя в спящий режим. В темноте комнаты я сидела неподвижно, а в ушах стоял нарастающий гул — гул правды, которая, как подземные воды, пробивалась сквозь толщу лет и лжи, грозя затопить всё, что я знала о себе.

Глава 10. Я .

На удивление, этой ночью сон был безмятежным, как тёплое одеяло. Никаких рук на горле, ни хриплых криков в темноте, ни ужаса падения. Я провалилась в глубокую, безсознательную пустоту и проснулась поздно, когда солнце уже рисовало на стене знакомые узоры из детства. Быть снова в своей девичьей кровати, под стенами, помнившими мои секреты, — это было обманчиво уютно. На мгновение всё было просто. Я была просто дочерью, вернувшейся в родительский дом.

И тут я увидела на экране три пропущенных видеовызова от Андрея. Ну, конечно! Мой персональный рыцарь в сияющих доспехах . Я же не позвонила, а он, вероятно, проиграл в голове все возможные катастрофы. На душе стало тепло и стыдно одновременно.

На экране появилось его лицо, и что-то внутри дрогнуло. Он был одновременно таким родным и таким далёким от этой комнаты, от этих стен. Его волосы были слегка взъерошены, а под глазами залегли тени усталости, но он улыбался — той самой широкой, растягивающейся до ушей улыбкой, которая заставляла отвечать тем же.

— Доброе утро, соня! — воскликнул он, и его голос, чистый и сильный, заполнил тишину комнаты. Но в уголках глаз, в лёгкой напряжённости губ я читала беспокойство, ко-

торое он мастерски пытался прикрыть лёгкостью. — Твоя мама сказала, что ты спишь как убитая. Я начал волноваться.

— Прости, дорогой, я вчера просто вырубилась, даже не раздевшись, — рассмеялась я, кутаясь в одеяло.

— Так сильно устала? Чем занималась-то? — его взгляд стал чуть пристальнее, изучающим.

Ложь выскользнула легко, привычно.

— Да ничем особенным! Просто прогулялась, повспоминала, покопалась в старых коробках. Ничего интересного.

— Понятно, — он кивнул, но в его «понятно» было что-то, что заставило меня внутренне съёжиться. — Ну и... когда ты возвращаешься? Здесь без тебя пусто.

— Дай мне пару дней, и мы снова будем вместе! Обещаю. Вот закончу дела и сразу в путь.

— Да я тут с ума сойду за эти пару дней! — воскликнул он, и в его голосе прорвалась настоящая, комичная паника. — Ты хоть представляешь, чем меня заставляет заниматься эта твоя Дарья?! Я с утра выбираю салфетки, Саш! Салфетки! Для нашей свадьбы! Они все абсолютно белые, а она просит выбрать «правильный оттенок»! И ты знаешь, их действительно, наверное, сто оттенков!

Я захихикала, представив его, моего сильного, уверенного Андрея, стоящим среди гор бумажек с потерянным видом.

— А вечером... — он понизил голос до заговорщицкого шёпота, видимо, Даша была где-то рядом. — Вечером, Саш, мне назначена дегустация начинок для торта! Саня, что ты

натворила, доверив этой женщине нашу свадьбу?! Она же меня с ума сведет !

— Ты справишься! Ты же у меня самый сильный! — я не переставала смеяться, и этот смех был таким лёгким, таким чистым.

— Двадцать начинок, любимая, двадцать! А ты знаешь, я сладкое терпеть не могу! Но ради тебя я прохожу эти круги ада и буду проходить дальше. Ты только возвращайся скорее, пожалуйста. Очень скучаю.

Его слова, его комичное отчаяние — это была любовь. Не та, что рвёт душу на части, а та, что создаёт уютный, надёжный мир. Та, что смешит и греет.

— Я люблю тебя! — вырвалось у меня, и я смотрела в экран, на его смеющееся, родное лицо, пытаюсь впитать это чувство, сделать его щитом.

— Всё, я побежал! Береги себя! Позвоню вечером, когда буду в сахарной коме! Люблю!

Связь прервалась, но тепло на душе осталось. Вот она какая, настоящая любовь? Лёгкая, как пух, надёжная, как каменная стена. Она должна дарить смех, а не слёзы. Она должна строить будущее, а не ворошить прошлое.

Любовь не должна заставлять смотреть в пропасть с обрыва... Не должна толкать тебя с плотины.

Плотина.

Слово, как якорь, резко вернуло меня из светлой гостиной с воображаемыми салфетками обратно в сумрак собствен-

ных тайн. Всё это тепло, этот смех — они были реальными. Но была и другая реальность. Забытая. И я была уверена: ключ к ней лежал там. В том месте. Оно хранило не просто многочисленные секреты. Оно хранило мой самый страшный секрет.

Я закрыла глаза, вытесняя образ Андрея, и сконцентрировалась. В руке я сжала тот самый кулон из тайника, его холодный металл впивался в ладонь, становясь проводником. Я мысленно вернулась на старые доски, к чёрной воде.

И воспоминание нахлынуло не обрывками, а целой сценой, яркой и невыносимой.

Плотина. Предгрозовый вечер.

— Нам нельзя больше быть вместе, Саш.

Его голос был тихим, но каждое слово падало, как камень в воду, расходясь ледяными кругами по моей душе.

— Ты... что? — мой собственный голос был лишь выдохом, клочком пара на холодном воздухе.

— Ты слишком хорошая, — он поднял на меня глаза. В них бушевала настоящая буря — из боли, отчаяния и какой-то дикой, бесконечной нежности, которая резала хуже ненависти. — Ты — как первый луч после дождя! Чистый, яркий. А я... я сам — эта туча. Грязь, сумрак, вечный дождь. Тебя ранит всё, что связано со мной. Мои привычки, мои друзья, вся моя жизнь. Я не могу дать тебе ничего, кроме

новых проблем.

— Но я же ничего не прошу! — крик вырвался сдавленно, голос задрожал и предательски сорвался на плач. — Мне нужен только ты! Твоя любовь! Разве это так много ?

— А мне нужно, чтобы ты была счастлива! — его голос надломился, в нём прозвучал хрип, и он отчаянно сглотнул, отворачиваясь. — Я люблю тебя. Сильнее всего на свете. Сильнее себя. Поэтому... поэтому давай останемся просто друзьями. Как раньше, помнишь? Это будет лучше. Для тебя.

Он произнёс это — «друзьями», — и оно прозвучало как самая страшная измена, хуже любой ненависти. Всё внутри оборвалось. Я почувствовала, как земля уходит из-под ног, но это было не падение — это было исчезновение. В тот миг я поняла с абсолютной, животной ясностью: лучше бы сейчас умерла. Прямо здесь, упав в эту чёрную воду и навсегда утонув в ней. Это было бы меньшее страдание, чем жить в мире, где мы — всего лишь друзья.

— Я никогда не смогу быть тебе просто другом, Макс! — всхлипнула я, и слёзы текли по лицу, смешиваясь с начинающимся дождём. — Это... это не для меня!

— Может, наше время ещё не пришло? — он сказал это с какой-то жалкой, наигранной надеждой. — Может, нам просто нужно подождать? Повзрослеть, разгрести проблемы, и тогда... всё получится?

— Повзрослеть?! Разгрести проблемы?! — я закричала, и

мой крик разорвал влажный воздух. — А как же наши клятвы взрослеть вместе? Разгребать всё вместе? Это же были твои слова, Макс! Твои обещания!

— Я ошибся, Саш. Прости, — он печально опустил голову, и в этой покорности было что-то окончательное.

— За что?! За что я должна тебя прощать?! За то, что ты бросаешь меня?! После всего?! — я задыхалась. — Нет! Я никогда тебя не прощу! Слышишь, никогда!

— Саш, успокойся, прошу тебя! — в его голосе прозвучала настоящая мольба. — Вот видишь, как я на тебя влияю? Каждое моё слово причиняет тебе боль! Я слишком сильно люблю тебя, и я устал видеть, как ты несчастна из-за меня!

— Но я счастлива! Рядом с тобой! Как ты не понимаешь?! Больше мне ничего и не надо !

— Надо, Саш. Ещё как надо, — он прошептал, и в этом шёпоте была смертельная усталость. — Каждый раз я уверен, что поступаю правильно. А потом смотрю на тебя... и понимаю, что снова всё испортил. Я устал чувствовать себя ничтожеством рядом с тобой. Мне нужно... мне нужно повзрослеть. Одному.

Наступила тишина, которую заполнил только нарастающий шум дождя и моё прерывистое дыхание.

— Так значит... это всё? — спросила я, и голос звучал уже чужим, плоским. — Так, Макс?

— Почему сразу всё? — он попытался улыбнуться, и это получилось жутко. — Ты не хочешь остаться друзьями?

— Нет, Макс. — Я выпрямилась, сжав кулаки так, что ногти впились в ладони. Внутри всё кричало, но голос стал низким, металлическим. — Если сейчас ты уходишь — уходи навсегда. Не вздумай приходить потом, когда осознаешь, что натворил. Я не буду тебя ждать. Ты понял?

Он смотрел на меня долго. Дождь стекал по его лицу, и я не могла понять, это дождь или слёзы. Потом он медленно, будто против своей воли, кивнул. Его лицо стало каменным, опустевшим.

— Как скажешь. Я лишь желаю тебе счастья, — он сказал это тихо, почти формально, как заученную фразу.

И развернулся. Не обнял на прощание. Не дотронулся. Просто развернулся и пошёл. Его фигура растворялась в серой пелене дождя, становясь призраком, тенью, ничем. Он не обернулся ни разу. А я стояла, впившись ногтями в старую древесину плотины, и чувствовала, как внутри разверзается пропасть. Та самая, в которую я готова была шагнуть. Не из-за романтики трагедии. А потому, что боль была физической, невыносимой, рвущей изнутри. Мир без него не имел ни цвета, ни смысла, ни воздуха.

Он бросил меня. Разбил не просто сердце — разбил саму ось, вокруг которой вращался мой мир. Всё, что было твёрдым и настоящим — любовь, обещания, будущее — рассыпалось в пыль под его последней фразой, унесённой дождём. Я осталась одна на краю, с этой оглушающей пустотой внутри, которая была страшнее любой боли.

Мои пальцы, холодные и трясущиеся, судорожно сжались на груди. И в памяти, острой как лезвие, вспыхнуло ещё одно ощущение — яростное, отчаянное. Боль от резкого рывка. Звонкий щелчок лопнувшей цепочки. Холодный металл, вырванный из-под одежды и зажатый в кулаке так, что зубцы ключа впивались в ладонь.

Может, поэтому кулон порван? Не время его разорвало, не случайность. Это была я. В тот самый миг, когда его спина растворилась в дожде, я сорвала его с себя. Не аккуратно расстегнула, а вырвала с мясом, с кровью, с последней надеждой. Это был не жест отчаяния. Это был акт выживания. Я пыталась разорвать пуповину, связывающую меня с ним, с этой болью, с той жизнью, которая только что закончилась. Я хотела уничтожить этот ключ, это сердце, этот символ, ставший проклятием.

Но... почему я его не выбросила? Почему, истекая слезами, я спрятала его в тайник? Как будто даже в самой глубине падения какая-то часть меня понимала: выбросить — значит окончательно утратить. А спрятать... спрятать — значит сохранить. Даже то, что убивает.

Я сидела на кровати, сжимая в руке холодный металл, и по спине бежали мурашки. Разбитое сердце могло заставить плакать. Но чтобы вырвать с корнем самое дорогое украшение... чтобы спрятать его, как улику... это говорило о чём-то большем. О ярости. О беспомощности, перешедшей в дикое, разрушительное действие. О том, что в момент падения, ре-

ального или метафорического, во мне проснулась не жертва, а кто-то другой.

Кто?

И самый страшный вопрос, медленный и неумолимый, как подъём со дна океана, возник из глубин подсознания:

Если я могла так поступить с металлом... что ещё я была готова сломать в тот вечер?

Глава 11. Тогда .

В их доме в тот вечер была особая, звенящая тишина, какая бывает только в полном одиночестве. Родители ушли на какую-то скучную взрослую вечеринку, и Саша осталась одна, запертая в своей комнате, как в единственной безопасной крепости. Она пыталась укрыться в рисовании. Карандаш мягко шуршал по бумаге, вырисовывая абстрактные линии и тени — терапия, которая обычно успокаивала бурю в душе. Сегодня она особенно старалась: после недели ледяного онемения внутри наконец-то забрезжила странная, хрупкая лёгкость. Как будто дно отчаяния было пройдено, и теперь она медленно, болезненно всплывала к поверхности, где снова можно было дышать.

Возможно, она сможет. Возможно, отпустит.

И тут тишину взорвал резкий, пронзительный звонок старого стационарного телефона в прихожей. Звонок из другого времени, из той эпохи, когда нельзя было увидеть имя на экране и проигнорировать вызов. Звонок был навязчивым, требовательным, нарушающим только что обретённый покой.

Саша вздрогнула, карандаш соскользнул, оставив на рисунке рваную чёрную черту. Она не хотела вставать. Пусть звонит. Но звонок не умолкал, настойчивый, как судьба, которая стучится в дверь. Со вздохом она спустилась вниз, в

полумрак прихожей, и подняла тяжёлую пластиковую трубку.

— Алло? — её голос прозвучал глухо в тишине дома.

В ответ — лишь густая, давящая тишина. Потом едва уловимый шорох, чьё-то дыхание. Наверное, ошибка. Плохая связь. Она уже собралась положить трубку, как вдруг всё внутри сжалось в ледяной комок. Она узнала эту тишину. Она была особенной. Наполненной не пустотой, а невысказанными словами, страхом и ожиданием. Она дышала.

— Макс? — имя сорвалось с губ шёпотом, полным и надежды, и ужаса.

Ответа не последовало. Только дыхание стало чуть громче, чуть ближе.

— Макс, я кладу трубку! — её голос дрогнул, выдавая слабость.

— Подожди... — наконец послышался его голос. Тот самый. Низкий, с хрипотцой, прорезавший её защиту как горячий нож по маслу.

И вот её мир, так тщательно собранный из осколков за эти дни, снова рухнул с тихим, невыносимым грохотом. Все баррикады, возведённые из гордости, обиды и желания жить дальше, рассыпались в прах от одного слова. Ирония была горькой: именно сегодня она впервые почувствовала, что может выжить без него. И он, словно невидимый паук, почувствовал ослабление паутины и дёрнул за ниточку. Как всегда.

— Чего ты хочешь? — спросила она, и её голос прозвучал

удивительно тихо и спокойно, хотя внутри всё горело и трещало по швам.

— Просто услышать твой голос... — он сказал это так просто, так искренне, что это было больше любой жестокости.

— Зачем, Макс? Я устала играть в эти игры! Устала до смерти! — её спокойствие начало давать трещину, в голосе зазвенели первые нотки отчаяния.

— Это не игры, Саш. Я просто... я просто соскучился. Очень. Разве ты не скучала? — он произнёс это почти по-детски, и от этого щемящего тона в груди у неё всё перевернулось.

— Какое это имеет значение сейчас?! — вырвалось у неё, и она зажмурилась, прислонившись лбом к холодной стене. — Я скучала, да! Мне было так плохо, что я не могла дышать! Я не хотела тебя отпускать, но ты сделал свой выбор и ушёл! Ты знал, в каком я состоянии, и всё равно ушёл! Зачем ты звонишь теперь?! Чтобы снова всё начать?

— Потому что люблю тебя... — его голос сорвался. — Потому что я дурак. Потому что ошибся. Снова ошибся!

— Макс, я не хочу это слушать! — она почти кричала в трубку, сжимая её так, что пальцы побелели. — Пока ты развлекался со своими друзьями и не вспоминал меня, мне было очень плохо! Но я переборола это! Я заставила себя! А сейчас, когда тусовки надоели и ты заскучал, ты сразу вспомнил обо мне?

— Я думал о тебе. Всегда! Прости... Дай мне последний шанс, пожалуйста, Саш... — в его голосе была такая голая, такая унижительная мольба, что сердце сжалось против её воли.

— Последний шанс? — она горько рассмеялась, и в смехе прозвучали слёзы. — Люди просят второй шанс, Макс. А ты просишь последний. Знаешь почему? Потому что я давала тебе их уже кучу! Десять! Сто! И мы всегда возвращаемся к тому, от чего ушли. Ничего не меняется! С тобой ничего никогда не изменится! А я... я хочу меняться! Я хочу изменить свою жизнь! Тебе это понятно?

— Мне плохо без тебя, — прошептал он, и это прозвучало как исповедь умирающего. — Я ждал твоего звонка несколько дней. Говорил с тобой в своей голове, просил, умолял тебя позвонить...

— Я слышала тебя, Макс, — выдохнула она, и все её силы, всё сопротивление вдруг ушли. Она говорила правду. — Да. Я чувствовала тебя. Каждую ночь. Каждую минуту.

— Правда? — его голос мгновенно преобразился, в нём вспыхнула дикая, почти невероятная надежда. Она услышала, как он резко вскочил с дивана. — Ты правда меня слышала? Ты чувствовала мою боль?

— Да, Макс, чувствовала. Я всегда тебя чувствую. Как своё второе сердце, которое болит в отдалении.

— Но почему ты тогда не ответила? — в его вопросе была неподдельная, детская обида. — Почему не позвонила?

— Потому что я не хотела тебя слышать! — крикнула она, и слёзы наконец хлынули по щекам. — Не хотела больше чувствовать! Я хочу порвать эту связь, а не укрепить её! Ты же сам сказал и ты был прав — ты причиняешь мне одну лишь боль!

— Я сейчас приду, — заявил он вдруг, резко сменив тему. Его голос стал твёрдым, решительным.

— Нет! — воскликнула она, отшатываясь от трубки, как от раскалённого железа. — Уже поздно! Я хочу спать! Я не хочу тебя видеть!

— Я приду, Саш. Мне нужно тебя увидеть. Сейчас. — И он положил трубку.

Она стояла посреди тёмной прихожей, слушая короткие гудки в трубке, словно отсчёт до взрыва. Внутри боролись два чувства: паническое желание запереть все двери, выключить свет и сделать вид, что её нет дома, и другая, тёмная, неистребимая тяга — увидеть его. Хоть на секунду. Просто чтобы убедиться, что он живой, что он тут, что эта мучительная связь — не мираж.

Она не побежала запирать дверь. Она просто стояла и смотрела в окно, на тёмную улицу, и слушала, как бьётся её сердце в унисон с шагами, которые она уже мысленно слышала.

Он пришёл не через парадную дверь. Он перелез через старый, покосившийся забор на заднем дворе, как делал это всегда, когда хотел увидеться тайно. Луна, вынырнув из-за

туч, окутала двор призрачным серебристым светом. И вот он вышел из тени старой яблони. Высокий, немного сутулый, в той же потрёпанной куртке. Его лицо было бледным и измученным в лунном свете, а глаза горели таким отчаянным огнём, что у неё перехватило дыхание.

Она вышла к нему на крыльцо, кутаясь в тонкий кардиган, скрестив руки на груди — последний барьер.

— Я же сказала не приходить, — прошептала она, но голос не слушался, дрожал.

— Я не мог не прийти, — он сказал просто, делая шаг вперёд. — Ты чувствовала меня. А я чувствую тебя. Значит, я не ошибся что могу прийти.

Они стояли в нескольких метрах друг от друга, и пространство между ними гудело, как натянутая струна. Она видела, как он сжимает и разжимает кулаки, как тяжело дышит. Видела в его взгляде ту же бурю, что бушевала в ней самой: вину, тоску, безумие и ту самую, проклятую любовь, которую ничто не могло убить.

— Уходи, Макс, — сказала она, но это прозвучало как мольба, а не приказ.

Он покачал головой и сделал ещё шаг. И ещё. Теперь он был так близко, что она чувствовала исходящее от него тепло и запах ночного ветра, смешанный с его знакомым, горьковатым одеколоном.

— Я не могу, — прошептал он. — Я пытался. Клянусь, пытался. Но без тебя я... я пустой. Я не существую.

— И со мной ты причиняешь мне боль! — выдохнула она, и слёзы снова потекли по её лицу. — Мы причиняем боль друг другу! Это неправильно!

— Знаю, — он кивнул, и его рука медленно, нерешительно потянулась к её щеке. — Знаю. Но, может, эта боль... она лучше, чем ничего? Лучше, чем эта мёртвая тишина?

Его пальцы почти коснулись её кожи. Она должна была отпрянуть. Должна была дать пощёчину, крикнуть, убежать. Но её тело, её предательское тело, замерло в ожидании. Оно помнило это прикосновение. Жаждало его, несмотря ни на что.

— Не надо... — прошептала она, но это был последний, жалкий лепет сопротивления.

И тогда он прикоснулся. Тепло его ладони на её холодной, мокрой от слёз щеке стало электрическим разрядом. Всё внутри неё оборвалось и рухнуло. Стены рухнули. Гордость, обида, страх — всё рассыпалось в прах. С глухим, сдавленным всхлипом она откинула голову назад, и он, не сдерживаясь больше, шагнул вперёд, обвивая её своими руками.

Она оказалась в его объятиях. Крепких, почти болезненных, таких знакомых, таких родных. Он прижал её к себе, уткнувшись лицом в её волосы, и она чувствовала, как дрожит всё его тело. Она не обнимала его в ответ — её руки всё ещё были скрещены на груди, последний оплот уходящей воли. Но её тело прильнуло к нему, искало его тепло, его

форму, как растение тянется к солнцу. Это было поражение. Полное и безоговорочное. Но в этом поражении была странная, мучительная победа — победа этой неистребимой связи, которая оказалась сильнее всех их слов, всех решений, всей боли.

Они стояли так, слившись в один силуэт в лунном свете, двое раненых людей, которые не могли жить друг без друга, даже если вместе они только убивали друг друга медленной, мучительной смертью. Как бы они ни старались разорвать эту нить, она была сплетена из чего-то древнего и неумолимого — из общих ран, из первых поцелуев, из тишины в телефонной трубке, из отчаянного желания быть вместе, даже если это яд.

Он прошептал что-то в её волосы, слово, похожее на «прости» или «навсегда». А она просто закрыла глаза, позволив этой связи, этому проклятию, этой любви снова поглотить её целиком, зная, что завтра будет ещё больнее, но не имея сил сопротивляться сегодня.

Глава 12. Он.

Темнота была густой и сладкой, как смола, пропитанная запахом влажной земли и опавшей листвы. Максим стоял в тени старого дуба напротив её дома уже целый час. Дом, давно знакомый до каждой трещины в штукатурке, казался сейчас иным — не просто строением, а живым организмом, чьё сердце билось в комнате на втором этаже, за окном с сиреневыми шторами. Он знал это окно. Её окно.

Она была здесь. Не во сне, не в галлюцинациях или мечтах. Настоящая. Дышала под этой самой крышей, на которую они когда-то забирались, чтобы смотреть на звёзды и мечтать так громко, что, казалось, их слышит весь спящий город.

Он вспоминал.

Не абстрактно, а кожей, нервами, рёбрами, которые будто сжимались от призрачных прикосновений.

Вот они стоят на том самом крыльце. Она — в тонком летнем платье, которое шелестит на ветру, он — пьяный от её близости и от запаха цветов. Она смеётся, запрокинув голову, а он смотрит на линию её шеи, на биение пульса у ключицы, и думает, что это самое прекрасное, что он когда-либо видел. Он говорит что-то глупое, она бьёт его легонько по плечу, а потом её пальцы сплетаются с его пальцами — липкие от мороженого, тёплые, живые.

Вот они в её комнате. Приглушённый свет ночника, стоп-

ка пластинок, тихий шепот, чтобы не разбудить родителей. Он читает ей стихи, которые сам же и сочинил — корявые, неловкие, — а она слушает с таким серьёзным, благоговейным лицом, словно перед ней Шекспир. Потом её поцелуй. Первый, настоящий. Нежный и в то же время жадный, как глоток воды в пустыне. Вкус клубничной помады и бесконечности.

Вот ночные встречи у гаража. Она крадётся в пижаме, накинув сверху его куртку, которая ей велика. Они курят одну сигарету на двоих, молча, просто глядя в одну точку в темноте, и в этой тишине больше слов, чем во всех их разговорах. Он чувствует, как её плечо прижимается к его плечу, и эта точка соприкосновения горит, как уголь.

Каждое воспоминание било током. Где-то смешались — боль от расставания и сладость былой близости — и создавали странный, пьянящий коктейль. Он смотрел на тёмное окно и представлял как она спит. Дышит ровно. Раскинула руку на подушке, где раньше лежала его футболка, которую она воровала «на память». Её светлые волосы растрепаны на наволочке. Её лицо, наконец, без гримасы боли из его кошмаров — спокойное, родное.

И он чувствовал это не мыслью. Он чувствовал это каждой клеткой. Словно между ними протянулись невидимые провода, и по ним шёл ток её присутствия. Его собственная кожа помнила тепло её кожи. Ладони помнили форму её талии. Губы — её вкус. Он стоял, затаив дыхание, и ловил эти

сигналы, эти слабые вибрации в воздухе, которые говорили одно: она здесь.

Их связь, которую он считал порванной, мёртвой, оказалась не тросом, который можно перерезать. Она была как корневая система старого дерева — невидимая, запутанная, уходящая глубоко в землю. И её возвращение всколыхнуло почву. Пульсация стала сильнее. Теперь он не просто грезил призраком. Он чувствовал реальную женщину за стеной. И это знание наполняло его не спокойствием, а новой, чудовищной силой. В нём росла тихая, непоколебимая уверенность хищника, который наконец учуял верный след.

Она спит. А он бодрствует. Стоит на страже. Связь не умерла. Она только окрепла, закалилась годами молчания и болью, и теперь вилась между ними тугой, неразрывной нитью, один конец которой был привязан к его груди, а другой — к её спящему сердцу за сиреневым окном.

Он не шевелился. Просто стоял и впитывал этот момент, эту новую реальность. Она вернулась. Не в его жизнь — они оба были не готовы к этому. Но она вернулась в пространство их общей истории. И этого сейчас было достаточно. Чтобы знать. Чтобы чувствовать. Чтобы ждать, когда нить натянется и дёрнет за собой, призывая к действию. А он будет готов. Он ждал этого десять лет.

Глава 13. Катя.

Я спустилась на кухню натянув на лицо маску лёгкого безразличия будто тонкую шёлковую вуаль. Аромат свежесваренного кофе и жареных блинчиков витал в воздухе смешиваясь с запахом старой деревянной мебели — знакомый, удушающе домашний.

За столом сидели родители. Мама торопливо намазывала масло на хлеб, её движения были резкими, нервными. Отец медленно перелистывал газету, но взгляд его скользил по строчкам не цепляясь за смысл. Натянутая тишина звенела в ушах громче любой музыки.

— С добрым утром, — сказала я слишком звонко и села на свой стул. Тарелка с идеальными румяными блинчиками и малиновым вареньем уже ждала меня — мамина попытка вернуть всё в русло нормальности.

Утро прошло за примитивными, выверенными светскими беседами. Мы говорили о погоде, о новостях из столицы, которые я выдумывала на ходу, о планах родителей приехать на свадьбу и задержаться подольше. Каждое слово было бусиной, нанизанной на невидимую нитку взаимного обмана. Теперь не только они играли в эту игру. В неё включилась и я. Играла, притворяясь той доверчивой дочкой, которой больше не была. Ела мамин завтрак и чувствовала, как каждое «спасибо» ложится на язык горькой ложью.

Когда последний блинчик был съеден, я отодвинула тарелку. Пора.

— Что ж, пойду прогуляюсь, раз солнышко такое яркое сегодня! — объявила я, вставая, и в голосе вложила ровно столько беззаботности сколько требовалось.

— Опять? — мама встрепенулась будто её укололи. Ложка звякнула о блюде. — Но... куда? Ты вчера уже гуляла!

— Мам, я не понимаю почему ты так переживаешь? — мягко подколола я, глядя прямо на неё. — Сейчас не ночь, я взрослая самостоятельная женщина, места тут мне знакомы с пелёнок. Я просто хочу подышать воздухом, размять ноги. Это преступление?

— Пускай идёт, Таня, — неожиданно, грубовато вмешался отец не отрываясь от газеты. — Чего ребёнка в четырёх стенах держать?

Я увидела, как мама обернулась к нему, её глаза метнули возмущённую почти паническую молнию. Но твёрдый, стальной взгляд отца, мельком брошенный поверх газеты, заставил её проглотить протест. Её плечи опустились в безмолвном, горьком поражении.

— Вернусь к обеду! Люблю вас! — воскликнула я с наигранной лёгкостью, наскоро поцеловала маму в щёку и улизнула из дома, пока тишина за спиной снова не сгустилась до опасной плотности.

Итак...

Моя следующая остановка — кафе на Кленовой ули-

це.

А цель — Катя.

Катя была не просто подругой детства. Она была моим отражением, моим сообщником в тысяче глупостей, человеком, с которым мы делились первыми секретами о мальчиках, плакали над дурацкими сериалами и мечтали о будущем. Вот только, переехав в столицу, я умудрилась потерять с ней связь практически полностью. Сначала были редкие сообщения, потом — раз в год поздравления с днём рождения, а потом и вовсе тишина. Раньше я списывала это на расстояния, на новую жизнь. Сейчас я начинала догадываться о другой, более мрачной причине. Если кто и мог знать что-то о том лете, о Максиме, о плотине, так это точно Катя. Мы были не разлей вода. Она видела всё. Главное, чтобы она ещё жила в этом городке.

Их семья владела небольшой, невзрачной кафешкой на окраине. Катка всегда грезилась этим местом словно сокровищем. Ненавидела линялые шторы и меню для дальнобойщиков, ночами рисовала в тетрадке эскизы новой вывески, мечтала переделать всё и сделать место «с душой». Надеюсь, она не отказалась от своей мечты. Надеюсь, что у неё всё получилось.

Поворот на Кленовую. И я замерла.

Кафе и правда изменилось до неузнаваемости. Раньше это было одноэтажное приземистое здание с облупив-

шейся голубой краской, закопчёнными стёклами и вывеской «Закусочная», где буква «ч» давно отвалилась. Теперь передо мной был светлый, почти панорамный витраж. Стильная, лаконичная вывеска «У Кати» горела тёплым, приглушённым светом. Сквозь стекло была видна современная мебель из светлого дерева, зелёные растения в кашпо, барная стойка, за которой сверкала хромированная кофемашина. От старого, пахнущего жиром и тоской места не осталось и следа. Это было место из журнала. Место, где могла бы сидеть уверенная в себе деловая женщина, а не две школьницы, тайком потягивающие кока-колу.

Сердце забилося чаще. Это был хороший знак. Если Катя осуществила свою мечту, то значит она здесь.

Сделав глубокий вдох, я толкнула тяжёлую стеклянную дверь. Навстречу ударил аромат свежесмолотого кофе, выпечки и чего-то цитрусового — чистый, дорогой запах нового бытия. И почти сразу из-за барной стойки поднялась навстречу женщина в элегантном чёрном фартуке с пучком светлых волос и знакомой, озорной улыбкой на лице. Улыбка, однако, замерла, едва коснувшись губ. Глаза Кати расширились, в них промелькнул шок, радость, а затем — то самое, что я искала. Быстрая, как вспышка, тень тревоги. Почти незаметная. Но я её поймала.

— Боже правый... Сашка? — её голос прозвучал тихо, сдавленно. — Это... ты?

Воздух в кафе был густым, тёплым и чудесно пахнущим, но как только я переступила порог, он словно сгустился вокруг меня. Всё пространство стало сценой, где я должна была сыграть самую сложную роль — себя. Не ту, что приехала за правдой, а ту, что просто навестила старую подругу.

— Катька! — мой восторг прозвучал чуть громче, чуть искусственнее, чем нужно. Я раскрыла руки, и этот жест был одновременно и желанным, и частью спектакля.

— Саня! Не может быть! — её крик был искренним, в нём прорвалось то самое, старое, неиспорченное чувство. Она кинулась в объятия, и на мгновение всё стало настоящим: знакомый запах её духов (других, дорогих, но в основе всё тот же сладковатый оттенок), сила её объятий, которые всегда были чуть крепче, чем у других девочек.

— Как же тут у тебя всё классно! — я отстранилась, искренне восхищаясь. — Ты просто умница! Такой прорыв!

— Нравится, да? — она покрутилась на месте, и в её глазах загорелся знакомый озорной огонёк, смешанный с гордостью. — Не хуже ваших столичных заведений?

— Тут в миллион раз лучше! — я сделала широкий жест, будто обнимая всё пространство. — Тут чувствуется душа, характер. Твоя душа. А там... там всё пахнет деньгами и конкуренцией. Безлико.

— Ну, от денег я тоже не отказываюсь! — захихикала Катя, и этот смех был таким же звонким и беззаботным, как в детстве.

— И правильно! — поддержала я, и мы обе рассмеялись, но мой смех уже был натянутым. Я чувствовала, как за этим лёгким фасадом у меня внутри всё сжимается в тугую, тревожный узел.

— Ты посмотри на себя! Какая стала! Ну-ка, покрутись, столичная штучка! — скомандовала Катя, хлопая в ладоши.

— Да ну, брось! — я отмахнулась, но она схватила меня за руку.

— Только не говори, что стала фифой и теперь дурачиться не в твоём стиле! — она подмигнула. — Или забыла наш победный танец?

Воспоминание ударило, свежее и яркое: мы, потные и счастливые, плясали у неё в комнате под оглушительную музыку, выкрикивая бессмысленные слова. Это было до всего. До Максима. До плотины. До разлома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.